

ДМИТРИЙ БАСОВ

ГОРОД, КОТОРЫЙ...

16+

Дмитрий Басов

Город, который...

«Автор»

2022

Басов Д. А.

Город, который... / Д. А. Басов — «Автор», 2022

В далёком сибирском городке наших дней происходит нечто странное. Мир становится всё более зыбким и страшным. Сбежать - невозможно. Но человек рождается, чтобы жить! Возможно ли это в безумном аду? Найдётся ли сила, способная поставить вселенную на место?

© Басов Д. А., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Таксист	6
День извозчика	6
Издержки профессии	8
Глава 2. Станный день	11
Прогульщик	11
Лёха	14
Глава 3. Погружение	16
Хлопоты	16
Фея хорошего настроения	19
О кошмарах наяву	22
Глава 4. Конец света?	26
Бред вселенной	26
По картошку...	29
Глава 5. Выхода – нет	31
Вечер	31
Попытка	33
Глава 6. Последняя гастроль	37
Глава 7. Проводник	43
Аэропорт	43
На привале	49
Глава 8. Следуя зову	52
Тревожная весть	52
Рыбак	55
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Дмитрий Басов

Город, который...

Пролог

Иногда неспешное время совсем останавливалось, и огромные пушистые снежинки зависали в темноте на доли секунды, но – снова вкрадчиво продолжали свой недолгий путь, незаметно укрывая засыпающий город...

Тимофей зачарованно стоял у окна: такой снег он обожал. И всё бы ничего, если бы не двадцать шестое августа на дворе!

Впрочем, в Сибири с погодой всякое случается. То заморозки в конце июня, то вот – новогодний привет в конце лета.

Он недовольно поморщился: *«Слякоть завтра будет... Опять плюхаться целый день!»*

Тимофея угнетали «грязные» дни, когда его чудесная сине-перламутровая машинка, едва выехав на улицу, тут же оказывалась позади какой-нибудь хлебозовки и моментально превращалась в серую самоходную глыбу, а огромная хондовская лобовуха становилась похожей на узкий триплекс бэтэра.

В такую погоду, несмотря на очевидную бессмысленность действия, он каждые два-три часа заскакивал к гаражам и наскоро приводил свою ласточку в порядок. Нет, он не относился к тем таксистам, которые считают, что достаточно протереть дверные ручки пару раз за смену. И ведь дураку понятно, что теряется время, деньги, да и вообще вся эта красота – на полчаса (если повезёт!), но...

Вырвавшись из плена размышлений о тщете сущего, он снова глянул на улицу. Весь двор за неполный час стал белым. Странно и непривычно смотрелась под снегом зелень листьев в оранжевых лучах фонарей.

Высоченное дерево за окном словно встрепенулось, вздрогнуло – видимо, от порыва ветра – и снег белой завесой посыпался с ветвей. Тимофей повёл плечами, почувствовав неясную мимолётную неуютность.

«Поздно... Пора баиньки».

Город поглотила тишина. Никто из не спавших в этот поздний час не придал несвоевременному снегопаду особого значения: мало ли... бывает и не такое. Однако именно с него всё и началось.

Глава 1. Таксист

День извозчика

С утра в городе впору было объявлять чрезвычайное положение. Сыпало до рассвета и мягкий, почти невесомый снежок пушинка за пушинкой лёг на листья тополей тоннами липкого, мокрого месива. Сначала гнулись ветви, потом к земле начали склоняться и стволы, и вот уже тут и там обломки посыпались на тротуары, на машины, на провода... Местами деревья падали целиком, полностью перегораживая проезды. Утром вкупе с засыпанными парковками, поголовно летней резиной и стандартным общим бардаком ситуация стала похожа на настоящий хаос.

К счастью, в эту ночь Тимофей не поленился отогнать свой «Фит» на стоянку. А ведь была мыслишка бросить машинку под окном: как раз под высоким раскидистым тополем. Вот что значит чуйка!

До стоянки – минут пятнадцать. Бежать по узкой тропинке, устеленной противной снежной кашей, было даже жарковато, но в машине оказался настоящий чёртов дубак. Тимофей завёл двигатель и поколдовал с рычажками на приборной панели, чтобы прогреть салон. Печку не включал с весны, и из дефлекторов поначалу повеяло неприятным запахом горелой пыли.

Пока хонда оживала, он кутался в свою выдавшую виды чёрную кожанку поверх оранжевой футболки и мрачно сожалел, что вот и очередному лету – кирдык, и совсем скоро снова начнётся вся эта головная боль с круглосуточным подогревом, с вечно обмерзающими стёклами, ледяными колеями и кочками, теменью, теснотой в салоне...

В довершение ко всему пропала сеть. Он начал было грешить на свой дешёвенький рабочий Samsung, но сторож стоянки, дядя Миша, затейливым матерком сообщил, что сотовая связь, причём вся, пропала ещё ночью.

Тимофей в растерянности почесал в затылке.

«Нифига се! И что, на сегодня с работой облом, что ли? Эти прелести цивилизации настолько быстро к себе приучили, что... Вообще-то странно: ну – одна вышка могла от снега навернуться, но чтобы у все разом?!»

В Таёжном ещё оставалось несколько старомодных диспетчерских фирм с городскими телефонами и рациями, но Тимофей, как и многие из его коллег, уже давно брал заказы по сотовому. А тут такой фортель!

Он всё же решил прокатиться, посмотреть как-что. На заправку, в магазин... А там, глядишь – и связь починят.

Подъехав через полчаса на площадь, он удивился огромной толпе на остановке и едва не сбил какого-то бешеного пассажира, буквально бросившегося под колёса.

– На Правый уедем? Триста!

Тимофей привычно оценил клиента: заполошный, но вроде приличный... Сумма была более чем: обычная такса до Правого днём вдвое ниже.

– Садитесь.

– Ад какой-то! Автобуса сорок минут жду! – голос у пассажира был высокий, слегка гнусавый. – Выезд со двора бревном перегородило... Звоню на работу предупредить, – фиг, нет сети! Хватаю домашний – в трубке даже не гудит. Бегом, бегом, собираюсь такси вызванивать – а как? А тут ещё и с автобусами засада! – пассажир пригладил взъерошенные волосы, вытер со лба пот. – Ну ладно, едем...

Город понемногу приходил в себя: тут и там жэковцы в оранжевых жилетах убрали ветки, пилили брёвна, грузили в самосвалы. Электрики монтировали оборванные провода.

Сугробы быстро таяли, однако машин на улицах по-прежнему было заметно меньше, чем обычно, а на всех остановках творился форменный бедлам. С городскими автобусами явно что-то случилось, а редкие частники на «пазиках» и «газельках» не спасали положение. Тимофей обратил внимание, что многие по старинке голосуют проезжающим такси. Давненько такого не видел.

Между левобережной частью города и Правым двенадцать километров промзоны, дач и таёжных ошмётков. И конечно мост через Ангару. Масса времени, чтобы подумать и прикинуть планы на сегодня. Несмотря на зябкое и мрачное начало, день обещал быть не таким уж плохим. Из динамиков негромко доносилось:

«А мне сегодня ночью казалось – я живу,
А мне сегодня ночью леталось наяву,
И город мой, казалось, – мир чудес,
И в этот мир с ногами я залез...»

Солнце сияло почти по-летнему, и это вселяло надежду, что к обеду центральные дороги даже успеют просохнуть. А вот проблемы со связью и с транспортом оказались даже на руку.

«Многие мужички на линию сегодня не выйдут, «фирмачи» – тоже в пролёте. Налицо возможность крупно хапнуть. Ну а что без телефона – подумаешь! Когда-то так и работали и ничего...»

Освободился он удачно, почти на конечной, сразу же взял с остановки четверых – по столыничку – и поехал обратно на Левый.

«Зашибись! Полтора часа – и бенз уже отбил! Определённо, сегодня – тот день».

Посреди реки он в первый раз почувствовал что-то неладное. Сначала показалось, что машину чуть таскает из стороны в сторону, словно заднее пробил. Он слегка качнул рулём – да нет, всё нормально, никаких запаздываний. Потом возникло ощущение, что мост ходит вверх-вниз. Самую малость, почти незаметно.

Сразу припомнилось пережитое как-то раз землетрясение. Ну, как землетрясение... Эпицентр был где-то за Байкалом в полутора тысячах километров, а до Таёжного докатились лишь отзвуки, балла два. Но на восьмом этаже своей квартирки он всё-таки почувствовал это мимолётное ощущение зыбкости мира.

Секундная непонятка тут же забылась: рыскание и раскачивания не повторялись, да и откуда бы им взяться? Показалось...

Издержки профессии

К вечеру устал он капитально: ещё бы, двенадцать часов практически без перерывов! Но остановиться было просто невозможно: деньги сами шли в руки.

«И никаких тебе махинаций, каждая копейка – трудовая, правильная! Когда ещё так всё сойдётся? Именно про такие дни говорят, что они год кормят... Кредит, зараза; скорей бы уж раскидаться!»

А с другой стороны, и меру знать нужно... Ладно, вот до полуночи – и хороши; всех бабок всё равно не заработаешь».

Совсем стемнело. Он не спеша катился с Нагорной вниз к площади, когда с тротуара кто-то махнул рукой. Тимофей притормозил, взгляделся.

– О, нет! – с досадой поморщился он. – А так всё хорошо шло...

Тёма Козырь собственной персоной с каким-то кентом такого же босяцкого вида.

Наверное, в каждом городке или районе крупного города водятся компании утырков лет шестнадцати – двадцати пяти, которые воображают себя местной мафией, а на самом деле – обычное нарко-гопническое мелкое ворьё.

Можно годами ходить на работу, ездить на дачу, в отпуск – и никак с ними не пересекаться. Но если ты таксист, то знакомства избежать не удастся. А уж в маленьком городке, где народу всего-то тридцать тысяч на одном берегу да на другом – с полсотни...

В последнее время у Тимофея с Козырем напрягов не было, но связываться с этими ушлёпками всё равно категорически не хотелось. Да ведь притормозил уже!

– Батя, здорово! До польской общаги добрось. – Козырь выглядел довольным, сразу сунул полсотни.

Тимофей слегка расслабился: вроде пронесло. Ехать было недалеко, но приходилось всё время поглядывать в зеркало: не тянется ли Козырев напарник своими ручонками в багажник. Гадёныши не могут обойтись без пакостей: будет улыбаться тебе, расспрашивать про семью и детей, хвалить машину, а сам прикидывать – как бы незаметно прихватить аптечку или огне-тушитель...

У общаги выскочили, бросив на заднем сиденье сумку.

– Пять сек, батя, Лапа дальше поедет...

Через минуту второй тип вернулся, сел назад, буркнул:

– На автостанцию.

Тоже недалеко, три минуты. Подъехали, развернулись.

Тимофей издали заметил на пустынной парковке братков, и у него неприятно заныло под лопаткой: твою ж мать! Предчувствия не обманули:

– Возле пацанов тормозни...

«Пацаны» были с виду серьёзные – не чета Козыревой шпане – взрослые, незнакомые. Двое сильно под кайфом, после многих месяцев работы такие вещи начинаешь видеть безошибочно. Тимофей незаметно отщёлкнул ремень: мало ли.

Чего у этих гадов не отнять, так это наглости и стремительности. Стоило машине остановиться, как обе задние двери оказались открыты, и через пару секунд трое уже были внутри, потеснив сидевшего сзади Лапу. Ещё один дёрнул переднюю дверь – она была заблокирована (Тимофей обычно делал это автоматически, даже не замечая).

Ушлые: сзади протянулась рука, выдернула флажок; ещё мгновение, и пятый оказался на переднем пассажирском.

– Поехали, – развязно протянул последний, видимо, бывший за главного.

Лицо у него было запоминающееся: очень короткие совсем седые волосы, прозрачные и круглые, навывкате, глаза, впалые щёки, сломанный когда-то тонкий нос с горбинкой.

– Ну какой «поехали»? – раздражённо бросил Тимофей, заглушив машину и выдернув ключ. – Вас пятеро, гайцы тормознут – оно мне надо?

– Не газуй, не газуй, братела, – седой открыл барсетку, помахал пачкой денег. – Бабки есть, не тушуйся, а нам тут рядышком...

Тимофей колебался. Пальцы коснулись монтировки, удобно пристроенной у порога. Можно было распахнуть дверь, и через секунду он оказался бы снаружи и с ладной железкой в руке. Но... Что дальше? Потом, выйдет, что он первый бузу начал: его ж никто не трогал и даже не наезжал... *«Ладно, может-таки обойдётся...»* Он завёл двигатель и направился к выезду с парковки.

Один из сидевших сзади просипел в самое ухо, обдав перегаром:

– Налево давай, на кладбище.

Существовал шанс, что это такой юмор, но как-то стало не до смеха. Ночью на кладбище? За город, в машине пятеро датых блатных, двое совсем неадекватных...

– Не понял?

– На кладбище сказал, не вкурил?

В машине повисла невыносимая тишина.

– Ну, на хрен, приехали, – Тимофей начал притормаживать.

В этот момент сидевший за спиной нарк обхватил локтем за горло:

– Ты чё, водила? Тебе сказали рулить, ты рули, падла!

Всё получилось как-то само собой. Тимофей резко дал по газам, хонда вскинулась, выскочила на шоссе. На десяток секунд блатари оторопели, и этого времени хватило на разгон.

– Разворачивай, сука! – гад начал душить уже в полную силу, выворачивая шею Тимофея назад.

– Убьёмся н-нах... отпусти! – прохрипел тот, толкнул локтем главного, потыкал пальцем в спидометр. Стрелка уже убежала за сотню.

К счастью, седой оказался достаточно вменяемым.

– Сухой, отпусти! Зёма, дай ему в ухо, чтоб одыбал!

Хватка ослабла. Вовремя. Опасность была вполне реальной, нужно было видеть дорогу.

Тимофей продолжал топить, лихорадочно соображая: что же дальше?!

Улица пошла вниз, и хонда почти летела: сто тридцать, сто сорок... О лежащего полицейского на переходе подвеска лязгнула так, что отдалось в позвоночнике, машина пару раз вильнула, но выправилась.

– Куда катим? – флегматично поинтересовался седой.

– Недалеко тут... – Решение созрело вовремя.

Перед поворотом пришлось притормозить, а в переулках сбавить ещё больше. Впрочем, узкая дорожка и скачущий по зарослям акации и заборам свет фар создавали ощущение, что они несутся, как на ралли. Да они и реально неслись.

«Клиенты» притихли, Тимофей краем глаза отметил, что даже седой крепко вцепился в ручку над дверью.

Вскоре они резко затормозили у длинного двухэтажного здания. Это был райотдел полиции.

– Приехали. Вылезает по-хорошему.

– Ты чё, попутал? – гнусаво завёл было один из бандюков, но Тимофей вдавил кнопку на руле, и тёмный двор огласил громкий долгий гудок.

– Валите резче! Появятся сейчас всех...

Седой сориентировался первым – выскочил из машины и, подняв воротник, с оглядкой, готовый в любую секунду подорваться, пошёл к ближайшему проулку.

За ним потянулись остальные. Кто-то, вылезая, зарядил Тимофею в голову, так, что в глазах на мгновение потемнело. Он не глядя отмахнулся, но не попал.

Тишина...

Он оглушённо посидел пару минут.

Через распахнутые настежь двери дунуло холодным ветром.

«Надо убираться отсюда...»

Вышел, аккуратно закрыл двери, вернулся за руль и погнал напрямик на стоянку. Его душила ненависть.

Шагая по тёмной тропинке до дома, он раз за разом проматывал в голове всю историю. Выходило, что он действовал практически единственным возможным способом. Был даже повод слегка гордиться. Только конец приключения представлялся другим: как он вылетает с ломиком из машины, и... Миражи-фантазии!

Перепрыгивая через лужу, он глянул вниз, и ему показалось, что вокруг его отражения распространяется странное, еле заметное зеленоватое свечение. Он остановился, вгляделся: да нет, показалось.

Дома сразу рухнул на диван. Спать.

Глава 2. Странный день

Прогульщик

С утра на Тимофея навалилась апатия, мысли о работе вызвали отвращение.

Он валялся в совершенно упадническом настроении, листая страницы своей никчёмной жизни. Армия, институт, недолгая работа в местном АТП. А потом – девяностые и так называемый «бизнес» с друзьями Лёхой и Витьком. Бизнес... Купи-продай! Чем только ни промышляли – и китайскими шмотками, и шоколадом, и автозапчастями... За год скопили на старенькую «копейку» аж семьдесят третьего года... Тогда он и попал в первый раз в извозчики: за товаром катались раз-другой в месяц, а между рейсами чем ещё заниматься?

А потом как-то неудачно вышло с дефолтом, и занесло его в колледж преподавателем автодела. За несколько лет вроде даже приподнялся до кресла замдиректора, но после очередной прокурорской проверки с тупыми до идиотизма наездами, будучи в столь же пакостном настроении как сегодня, написал заявление. До такой степени всё достало тогда!

И – снова в бомбилы. Самое смешное, что в деньгах даже не потерял: в первый же месяц нащипал в полтора раза больше бюджетной замовской зарплаты (да, пожалуй, и больше директорской). Потом с год откровенно кайфовал: после четырёх лет непрерывного выматывающего и никому не нужного напряжения – неземная расслабуха! Ни дежурств по общежитию на новый год, ни дебильной бюрократии, ни родителей, которые шестнадцать лет воспитывают отморозка, а потом требуют, чтобы ты за полгода слепил из него человека!

«А что в итоге? Тридцать семь, два высиших, а толку? Водила, рули...»

Моим звякнуть бы... Всё некогда... Отец сильно сдал в последнее время...»

Дотянулся до телефона: почти девять.

«У них и восьми нет, не звонить же в такую рань...»

Он резко встряхнул головой, как всегда делал, когда нужно было отогнать непрошенные мысли, заставил себя встать, но только затем, чтобы добрести до ванной и плюхнуться под струю горячей, насколько терпелось, воды.

Часа через полтора он прошлёпал босыми ногами на кухню, включил чайник, соорудил могучий бутер с сыром. Ещё пошатался из комнаты в комнату, жаркий и распаренный, завернутый в большое синее полотенце, глянул в сотовый: *«Да ладно! До сих пор?»* Наконец с любимой пол-литровой кружкой сладкого кофе утвердился за компьютером и первым делом полез поинтересоваться насчёт связи.

«Феноменально! И с инетом беспредел форменный...»

Доступен был только местный сервер провайдера, да пара городских сайтов по ай-пи. На портале городской администрации ничего внятного: проблемы, ведутся работы...

По позвоночнику забегал неприятный холодок. Тимофей встал, прошёлся до окна, выглянул на улицу: пасмурное серое утро, сухо, ветки тополя внизу чуть шевелятся от ветра. Вроде всё было в норме. Однако явно происходило неладное!

«... причём нечто масштабное! Связи нет вторые сутки, интернет только в пределах города... Неизвестно, что сейчас с транспортом, но вчера автобусы на линию так и не вышли...»

Он на всякий случай пощёлкал выключателем: свет был.

«А, ну да, комп ведь работает...»

Достал с антресолей древний приёмник, пощёлкал диапазонами. На средних, длинных волнах – тишина, что не так удивительно, но на коротких??? Не слышно было даже таинственной военной жужжалки УВБ-76!

С улицы донеслись завывания: рёв пожарки и мяуканье скорой. Дорога проходила с другой стороны дома, поэтому посмотреть возможности не было. Сирены медленно затихли где-то вдали.

Разыскивая пульт от телевизора, Тимофей был почти уверен в исходе. Да: на большинстве каналов светилось «технические работы», и только по городскому шло какое-то старинное советское кино.

Он накинул куртку и поехал к Лёхе на Правый.

Не удержался! Всё-таки «поднял» с площади пассажиров: бабушку и молодую пару.

Частников на линии прибавилось, но их мелкие автобусы всё равно не справлялись. Проезжая мимо остановки, Тимофей заметил крохотную сухонькую старушку в классическом синем платке: она стояла у самого бордюра, в стороне от толпы, ломящейся в салон газельки, и обречённо смотрела на разгорающуюся битву. Тимофею стало её жалко, он подъехал, опустил стекло.

– Далеко вам?

– О-ох... – всплеснула та руками. – К доче... На Северный, на Северный мне...

– Ну садитесь, до Мира подкину.

– А дорого возьмёшь?

– Так отвезу. По дороге.

– Ой, спасибо, сынок, а то я ж думала, и не уеду сегодня...

Едва она забралась в машину, как подскочил парень лет двадцати:

– Вы не на Правый?

Он вообще-то не собирался никого брать, даже шашечки на крышу не выставлял, но молодой человек выглядел интеллигентно, поэтому на автомате вырвалось:

– По двести.

Парень махнул рукой, и к машине ещё подбежала девушка: юная красотка с распущенными длиннющими золотистыми волосами. Усадив её рядом со старушкой, парень обошёл машину и уселся впереди.

Тронулись.

– Что слышно? – Тимофей повернулся к парню.

– Да чертовщина! Связи нет. Интернета – нет! В офисе выходной объявили, говорят – в воскресенье отработаем. Только вот починят ли за два дня...

– У меня Нина, подруга. Верующая, иегова, – подала голос бабулька. – Пастор ихний всё время про конец света поминает... Будто бы мир знаками полнится. – Она покивала. – Я-то сама не очень верующая, но иной раз страшновато. За внучков, за дочу. Ребятишки, вот, молодые. Мы-то пожили... А эту ночь-то сирены – до утра, до утра! То скорая, то полиция... Лену, соседку – с инфарктом увезли. – Старушка поджала губы и, съёжившись, затихла.

– Да не переживайте... – Тимофей улыбнулся уголком рта. – Если конец света и наступит, то уж начнётся наверняка не с нашего захолустья. Где всё зло-то собралось? Точно не у нас...

– А вы на Москву или на Америку намекаете? – поинтересовался парень.

– Да я так. Абстрактно, – уклончиво хмыкнул Тимофей. – Но вообще, что-то странное творится, факт. Гляньте, ещё и пожары, что ли...

Из разных концов города к небу поднимались столбы дыма. Чёрные клубы, растекающиеся в вышине мрачной пеленой, усиливали тревогу, неприятно и невидимо повисшую в воздухе.

У моста стояла пара полицейских тачек и военный «КамАЗ». По обочине неспешно прохаживались люди в бронежилетах и с автоматами.

Мелькнула мысль: «Уж не переворот ли какой снова?» Очень было похоже на те события пятнадцатилетней давности, как их показывали тогда по телевизору: молчаливые неуверенные военные на каждом перекрёстке, непонятность происходящего...

Лёха

Лёха трудился на лесовозе-ропуске. «Урал» был уже свой, выкупил в прошлом году. Существовала вероятность, что он окажется где-нибудь в лесу. Сейчас, конечно, не сезон, типа – отпуск, но мало ли... Друган, к счастью, был дома.

– Здорово! Давненько не заглядывал.

– Сам-то...

– Дык. Деловые стали, занятые. У тебя всё по-прежнему? Щипаешь?

– Куда деваться-то? С кредитом распластаюсь в следующем году, там буду смотреть.

– Ясно. По пивку?

– Я ж за рулём...

– Да брось! Прогуляемся до одного местечка, а потом посидим... Полгода не собирались, ну?! Лёну дождёмся, рада будет. Да и удобно, пока Олеська у тёщи. Вечерком врежем не по-детски, а завтра – поедешь. Куда тебе спешить-то?

Тимофей посомневался и махнул рукой. Настроение всё равно нерабочее, и дома никто не ждёт... Да и надо, надо встречаться!

– Лады. Только давай я свою крошку на стоянку всё-таки угоню; какая тут у тебя поближе?

Управились часа за полтора: Лёха отвёз какие-то бумаги в леспромхозовскую контору, потом мотнулись по магазинам, затарились на вечер, поставили хонду.

По дороге со стоянки зашла, наконец, речь обо всех странностях последних дней. К удивлению Тимофея, Лёха как-то совсем не принял их близко к сердцу. Домашнего телефона у него не было, интернетом он интересовался постольку-поскольку, о том, что существует какая-то проблема с автобусами, вообще узнал только от Тимофея. А что касается сотовых...

– Ну... Всяко бывает. Когда в самую жару воду на неделю отключают – это реально напрягает... А тут – телефоны. Вот беда!

Тимофею подумалось, что Лёха привык, наверное, мотаться по дальним таёжнымделянам, где никакой связи и в обычное время не было...

Часам к пяти они, по обыкновению устроившись на кухне, уже хорошо набрались и страстно (так что было слышно на лестничной площадке) обсуждали важный вопрос: летали ли американцы на Луну. Лёха стоял твёрдо: не могли и точка!

– Пояс Ван Аллена – р-р-раз! И... Ракеты-то – не было! Два! И...

– Да как не было-то? А Сатурн-пять?

– Где, где? Покажи мне его! Где тот Сатурн?! – рычал Лёха.

– Ну а где тот Восток? Тоже нету! По-твоему – и Гагарин не летал?

– Гагарин – летал! А америкосы – лживые и подлые! Сербов – разбомбили ни за что и нагло врут до сих пор своими бесстыжими глазами! И в космосе ни хрена не могут, только шаттлы свои взрывать!

– Как можно врать глазами?... И потом, ну как не могут... На Плутон вот этой зимой аппарат запулили!

Лёха сардонически захохотал:

– На Плутон! Не смей! Консервную банку куда-то выстрелили и рассказывают всем, что на Плутон. Да туда лететь – десять лет, а через десять лет...

Щёлкнула входная дверь, через несколько секунд на пороге кухни появилась Лена.

– Ого! Не рано вы до американцев добрались? Здравствуй, Тима!

Тимофей поднялся из-за стола, сграбастал Лёну, чмокнул в щёку.

– Давай, присоединяйся. Мы тут с Лёхой даже вот наварили чего-то...

– Что там у вас?

– Да не знаю я... Какая-то у нас похлёбка вышла, эта... Ирландское рагу, короче. Да бес с ней, главное – вот харюзей взяли под пиво, смотри, какие лапти! Просто изумительные, рту тают!

– Ладно, ладно, переодеться хоть нужно...

Пока Лена приводила себя в домашний вид, они слегка прибрали со стола рыбы хвосты и кости, Лёха разлил похлёбку по тарелкам.

Минут через пять Лена заключила:

– Выглядит по-солдатски, но очень даже ничего. Хоть что-то хорошо! А то сегодня на работе...

Тимофей насторожился:

– Что на работе?

– Завтра если не наладится – чрезвычайное положение объявят. Связи нет даже у военных. В АТП до сих пор разобраться не могут – что произошло: то ли катаклизм какой-то, то ли нарушения при строительстве... Представляете, весь гараж в землю провалился на полтора метра, и что делать теперь? Одни кричат: давайте скорей разбирать стену, крышу, рампу насыпать, автобусы на линию выводить, другие – ничего трогать нельзя, пока комиссия причины не определит... Сегодня утром поезд не пришёл! Что-то немыслимое... Дозвониться никуда невозможно. А тут ещё кошмары эти!

– Что за кошмары?

– За прошлую ночь... – Лена понизила голос, – больше сорока тяжких преступлений и несчастных случаев со смертельными... Семнадцать пожаров! На Левом у вас, представляешь, прямо возле отдела полиции, в соседнем дворе – четыре трупа! Причём... Лёш, налей мне пива... Ага. Четыре трупа – все... Чёрт! Говорят – по ним как будто трактором ездили, месиво сплошное... – Лена выпила залпом полбокала, уткнулась в тарелку.

При упоминании о трупах Тимофея словно продрало морозом вдоль спины. А ведь ночью он там совсем рядом был!

– Ты это... – Лёха неуверенно погладил жену по плечу. – Ты ж в комитете по градостроительству, откуда этих страстей набралась?

– Девчонки-то болтают... У главного – совещания с самого утра, к обеду думу собрали...

– Ну... Болтают. Мало ли... Не, не! Давайте без ужасов, у нас – пиво, у нас чудесный хариус, не сидели сто лет! Помните, как на Смородиновую ездили? Сколько лет-то прошло уже... Семь?

Глава 3. Погружение

Хлопоты

Несмотря на количество выпитого, тяжкого похмелья с утра не наступило. Видимо, сказалось так же и количество съеденного. Хариус, «ирландское рагу»... Вроде, поздно ночью ещё и картошку с грибами жарили...

Лена, как стойкий оловянный солдатик, с утра упылила на работу, а Тимофей с Лёхой оклемались только часам к одиннадцати.

– По маленькой, для поправки?

– Не, не. Кофейку покрепче, – Тимофей прислушался к внутреннему мироощущению: некая слабость и приторможенность, но в принципе – почти порядок. Даже голова не болит.

– Ты прав, пожалуй... – Лёха долил воды в чайник, включил. – На промзону меня закинешь? Надо с мужиками потрещать насчёт стоянки на зиму. Чего-то лень за своей в гараж тащиться.

– Не вопрос. А что у тебя с Полоховым? Ты же у него сколько лет ставился?

– Цену с ноября поднимает. Говорит – раньше-то, пока я на аренде был, он типа как своему скидку делал, а теперь, мол, я сам по себе, так что платить должен по полной... До чего жадный хмырь всё-таки!

Обжигающий кофе сделал своё дело: мозги обрели ясность, кровь по жилам побежала шустрее. Вместе с тем вернулось и тягостное ощущение неясности ситуации. Новости, полученные вчера Леной, спокойствия не добавили.

– Лёх, слушай... Что-то не по себе мне. А если сегодня и в самом деле чрезвычайное объявят? – Тимофей достал телефон, с отвращением глянул на сообщение об отсутствии сети.

– Ну, объявят. И что? Патрули, может, усилят по ночам... Что такого-то?

– Да... Фиг знает! У тебя канистры под бензин есть лишние? Залиться бы под завязку на всякий пожарный. А то вдруг перебои какие... Работать-то как потом?

Лёха покачал головой:

– Что-то ты, Тим, на пустом месте кипеш затеваешь. Ладно, заскочим тогда ещё в гараж. Двадцатилитровка где-то лежала со старых времён.

Наконец они вышли на улицу. Холодно не было, но низкие серые тучи полностью скрывали небо: и не поймёшь, в какой стороне солнце.

Отчётливо пахло гарью, и запах был отвратный, не лесной. Чуть ли не каждое лето где-то в районе горела тайга, и когда ветер дул в сторону города, всё затягивало сизой дымкой, от которой першило в горле и щипало глаза. Но тот дым всё-таки пах костром, смолистой сосной... А тут явно вонь от залитых водой горелых тряпок...

– У нас вчера днём что-то горело, местах в семи сразу... И у вас тут началось, что ли? Столько пожаров разом – в жизни не видел. Поджоги, может?

Лёха лишь как-то недовольно пожал плечами.

Собачий галдёж слышно было ещё за квартал. Тимофей не придавал этому особого значения, но мысль мелькнула: «Со стоянки, что ли?» Минут через пять они подошли к воротам.

– Капец!

Шлагбаум из толстой двухдюймовой трубы был загнут в дугу и выворочен вместе с мощной забетонированной опорой. По углам парковки стояли собачьи будки, и ошалевшие животные рвались с цепей, заходясь в жутком лае. Здоровенная лохматая кавказская овчарка не переставая выла, вынимая душу; хотелось пристрелить её, чтобы не мучилась.

Дальний проезд выглядел так, словно по нему проехал бульдозер с клыком, да ещё с пьяным танкистом за рычагами. Морды некоторых машин были свёрнуты и расплющены; вдоль дороги извивалась глубокая – в полметра – извилистая канава. Укатанная глина с гравием была словно вспахана; справа, за сторожкой одна из машин лежала вверх колёсами, оборвав сетку забора. Не считая собак, вокруг не видно было ни души.

Тимофей едва ли не в панике бросился к своей хонде. К счастью, все оказалось в порядке.

Его слегка потряхивало, пока он заводил двигатель и выруливал за ворота. Стоянка вызвала желание убраться подальше и как можно скорее. Сразу за снесённым шлагбаумом он остановился, поджидая Лёху, поднявшегося наверх, в дежурку. Тот почему-то не торопился спускаться обратно.

– Лёх, что там?

– Иди глянь-ка.

Тимофей секунду поколебался; не стал глушить машину, а дверь оставил распахнутой. Ещё раз оглянулся вокруг.

По небу ползла всё та же низкая, почти зимняя хмарь. В ста метрах за бело-золотой берёзовой полосой по проспекту сновали машины, с ветвей, потревоженных лёгким ветерком, медленно и красиво опадали жёлтые листья. Никого...

Он поморщился от невыносимого загробного воя и осторожно поднялся по крутой деревянной лестнице. Лёха стоял у двери и разглядывал что-то внутри. Тимофей заглянул ему через плечо.

Небольшая комнатуха, маленький стол в ближнем углу, рядом – кресло из бордового кожзама. У стены – топчан, укрытый красно-чёрным клетчатым одеялом. Крохотный телевизор на полке. С кресла – вид в два окна: за ворота и на стоянку.

Каморка была усеяна мелким хламом – клочками журналов, рванными тряпками, какими-то проводами, обломками карандашей и шариковых ручек, осколками вдребезги разбитого старинного, ещё дискового, телефона.

На столике от края до края был нацарапан огромный крест. «Нацарапан», впрочем, слабо сказано: глубокие, чуть не на треть продравшие столешницу, неровные борозды повергали в недоумение: каким образом можно было такое сотворить?!

На топчане валялась половинка регистрационной книги, оторванный край выглядел более чем странно, какими-то полукружьями, словно его откусывали; такие же следы покрывали верхний край спинки кресла; вырванные куски поролона и красного дерматина лежали тут же, на полу.

– Что за хрень тут произошла? – голос Лёхи выдавал искреннее недоумение. – Что делать-то? В ментовку звонить? И сторожа нет...

– Что скажем? Кто-то, мол, кресло погрыз и машины распибал? Кстати, да: а как ты звонить-то собрался?

– Блин! Я и забыл, что...

– Вот что я тебе скажу: давай-ка валить отсюда. В городе явно происходит что-то... Не знаю что! Но с каждым днём всё хлеще. Так что летим к тебе в гараж, хватаем все ёмкости, какие есть – и на заправку. Ты свою тоже заводи, на всякий случай залей под крышечку. Знаешь, бенз никогда лишним не будет...

Подъехав к ближней заправке, Тимофей присвистнул: очередь стояла машин в двадцать; такого он не видел уже давненько. Лёха на своём «Хай-Эйс» пристроился позади.

Через час, заправившись, они отъехали в сторону – поболтать напоследок.

– Чуешь? И это только начало. Завтра тут их будет на полкилометра.

Лёха мрачно кивнул:

– Похоже на то.

В очереди наслушались всякого. Пожары, оборвавшиеся лифты, исчезновения людей. Убийства, настолько извращённые и кошмарные, что верилось в них с трудом. Кто-то гнал откровенную чушь про инопланетное нашествие, кто поадекватнее валили всё на террористов... Тимофей всю эту клюкву выслушивал с великим сомнением, поэтому сильнее всего его насторожили слухи не об убийствах, а о том, что не только поездов нет уже двое суток, но и автотранспорта со стороны Иркутска.

Мысли пронизывало раздражение: он терпеть не мог всяких неясностей. А тут ещё всё время вставала перед глазами жутковатая картинка с парковки. Да Ленины страшилки с кровавыми трупами...

Лёха крепко сжал руку Тимофея.

– Ну ладно, Тимыч. Заскакивай почаще. Особенно, если со связью эта хренота затянется. Я, пожалуй, возьму «Урал», пару бочек, да съезжу на Комбинат, соляры залью... Ты там разузнай у вас, на Левом – правда что ли на Иркутск дорогу закрыли? Это ж – вилы тогда! Блокада!

– Угу... Ну, бывай.

В тревожном смятении Тимофей даже не стал искать попутных пассажиров и прямо с заправки погнал домой.

«Если перекрыта Иркутская трасса и одновременно железнодорожная ветка, то... Лёха правильно сказал – блокада! Аэропорт... Сколько лет назад его закрыли-то? А по воде... Пока организуют... Чёрт! А ведь бензин – это ерунда по сравнению с... Интересно, еды на сколько дней в городе? Так...»

Заскочив домой, он достал из тайника на лоджии увесистую пачку, завернутую в полиэтилен. Поразмыслив секунду, отсчитал десятку. На магазины решил времени не тратить, поехал сразу на оптовые склады.

По дороге он настороженно косился на дымные столбы – сегодня их стало поменьше, но пожары всё равно продолжались; вглядывался в лица прохожих... Всё вроде бы было как обычно. Но вот весёлый гомон стайки детишек уже показался каким-то неестественным на общем унылом фоне. Тимофей попытался успокоиться: ведь сам себя накручивает... А что народ неулыбчивый – так когда по-другому было? Не праздник, чай...

Загрузившись, он сел за руль, обернулся, скептически осмотрел забитый под потолок салон.

«Куда это всё девать-то? Придётся в гараж...»

Ключ от гаража всё равно лежал дома, так что был смысл занести сразу и часть продуктов.

Через полчаса, припарковавшись во дворе, он прихватил ящик с молоком, несколько пакетов с крупами и пошёл к подъезду.

Нести было не тяжело, но ужасно неудобно; особенно открывать дверь, да вызывать лифт. Раздражение нарастало.

«Только застрять ещё не хватает!»

Двери закрылись, и... Кабина стояла на месте.

– Да ёк-к-карный бабай!

Он глубоко вздохнул, ещё раз надавил на кнопку восьмого этажа. Поехали!

Фея хорошего настроения

Пока он рассовывал пакеты и коробки по шкафам, раздался звонок.

Он никогда не спрашивал «кто там», в двери и глазка-то не было. Советское воспитание... Были ведь в Таёжном времена, когда некоторые и двери не запирали, а уж ключ под ковриком вообще был обычным делом...

На пороге стояла девушка лет двадцати трёх, невысокая, ладная, с длинными тёмными волосами, небесно-голубыми глазами и симпатичным открытым лицом. В одной руке – бутылка вина, в другой – огромное красное яблоко.

– Привет! Я без предупреждения, – она забавно развела руками. – С телефонами, какая-то засада...

Янка была дамой своеобразной и даже немножко загадочной. Тимофей не помнил, где и как они познакомились, но тот её звонок врезался в память: «Привет! Это Яна, помнишь? Слушай, у меня проблема: есть бутылка шампанского и совсем нет мужика. Позовёшь в гости?» Обескураживающая прямота поначалу вогнала его в ступор. Но – почему бы и нет? Образ жизни он вёл довольно свободный (назовём это так), вечерок был не занят...

Она оказалась приятной во всех отношениях: лёгкой и весёлой, начитанной (могла поболтать даже о Кафке и Хейли!) и – что особенно удивительно – совершенно ненавязчивой. И обожала секс. Позже Тимофей узнал, что она работает в каком-то парфюмерном магазинчике, у неё уже двое дочурок, которых она иногда сбрасывает на попечение матери, а сама отправляется, как она это называла, – «гулять». «Но ты только не подумай, что я какая-нибудь проститутка! Деньги, грязь... Фу, это мерзко! Я никогда не сплю с кем попало!»

Конечно, Тимофей допускал, что она строит какие-то скрытые планы – женские пути не менее неисповедимы, чем господни – но он ничего такого не замечал и обычно бывал рад, когда она изредка снова звонила, а потом заявлялась вечером с неизменной бутылкой вина в руке.

– Ну залетай. Что-то ты сегодня рано.

Она впорхнула, поставила пузырь на тумбочку, скинула босоножки.

– У подружки на днюхе вчера гулеванили. Собралась домой и как соскучилась внезапно! Всё лето тебя не видела! – она повисла у него на шее и принялась покусывать за мочку уха.

Тимофей не смог сопротивляться, и следующий час они провели в постели. Янка всегда умела поднять настроение... Хмарь и напряжение в душе рассеялись, жизнь снова стала казаться безоблачной. Да и за окном сквозь прорехи в тучах проглянуло солнышко.

Потом он подумал, что всё-таки нехорошо оставлять во дворе на ночь машину, забитую доверху.

– Слушай, мне бы в гараж смотаться, разгрузиться. Минут на сорок. Подождёшь?

– Конечно. Тем более, вино осталось неоткрытое – зря, что ли, я его у Галки забрала? А... даже нет; возьмёшь меня с собой?

Свернув с трассы к гаражам, Тимофей сбавил скорость: дорога была довольно убитая, за ней давно никто не ухаживал.

Забора вокруг гаражей никогда не было, зато были ворота, от которых теперь остались только два здоровенных пятиметровых столба. Сторожку тоже давно разобрали. Местечко, вообще говоря, навевало уныние, которое лишь отчасти компенсировалось чудесными склонами вокруг, заросшими лиственницей и сосной.

Внезапно из-за ближнего бокса выскочил, размахивая руками, какой-то взъерошенный тип. Янка от неожиданности ойкнула.

Тимофей притормозил, опустил стекло.

– Случилось что?

– Нет, нет! Скрипи-и-ит! Нет! Ы-ы-ыгrrrr... – неразборчивый крик превратился в глухое рычание, дядька промчался мимо даже не взглянув. Через десяток секунд он свернул с дороги в лес и скрылся в зарослях молодняка.

Тимофей совсем остановился, оглянулся вслед мужику, прислушался.

Еле заметное тиканье двигателя на холостых, шум деревьев в отдалении, побрякивание обрывка провода о железный столб...

Одномоментно вернулось напряжённое предощущение чего-то нехорошего, зелень и яркое золото окружающего леса поблекли, день внезапно снова стал серым. У Тимофея перед глазами стоял безумный взгляд, чёрные растрёпанные волосы и это рычание...

– Перепил наверное... – слова Яны прозвучали неуверенно, но Тимофей уцепился за них, как за единственную всё объясняющую ниточку.

– Наверное. – Он постарался успокоить нервишки и отбросить эмоции.

Яна откинула волосы и улыбнулась ему своей чудесной безмятежной улыбкой. Слегка отпустило.

За угол он всё-таки поворачивал медленно, крадучись, убеждая себя, что это обычная осторожность: мало ли – встречная выскочит, или бревно там поперёк проезда какое...

Ничего за поворотом не лежало, и никто ниоткуда не выскочил. Миновав бесконечный ряд закрытых железных воротин, Тимофей повернул к дальним боксам.

Довольно быстро перетаскав продукты и без приключений вернувшись домой, они чудесно закончили день.

Далеко за полночь, засыпая, Тимофей хмыкнул про себя: *«Да в общем-то и неплохие выходные получились...»* – Он притянул к себе лёгкую податливую Янку. Она прерывисто вздохнула во сне. – *Очень даже...*

Утром гостя проснулась ни свет ни заря, привела себя в полный порядок, сварила кофе и бесцеремонно растолкала Тимофея. Тот упирался как мог, но чудесный запах с кухни и не менее чудесный нудный голосок сделали своё дело. Он натянул спортивные, взял чашку, с наслаждением глотнул. Кофе он обожал.

– Янка! Может, жениться на тебе?

Она заливисто рассмеялась.

– Легко тебя охомутать! Кофейку в нужный момент, и – готово! – Она прищурилась. – Но, боюсь, ничего не выйдет. Ты ж распутный тип, похлеще меня! В самом деле думаешь, что готов к семейной жизни?

– Ну... Откуда ж я знаю? Пока не попробуешь – точно не скажешь.

Он, конечно, шутил. И ответ её был известен заранее. Чем-то они были похожи: неприкаянные, зато независимые...

– Нет уж. Проверь на ком-нибудь другом. Если что – сообщишь потом, – она опять засмеялась. – Тим! Мне на работу к десяти, времени не очень много осталось, подкинешь до площади? – из глаз её просто выплёскивалась бескрайняя синева.

«Вот она же абсолютно точно знает, что будет дальше! Но женщины неисправимы, стремление манипулировать у них в крови...»

– Я тебя укушу сейчас! Ты ведь нисколько не сомневаешься, что я отвезу тебя до дома, на фига вот это вот, про площадь...

– Ничего ты не понимаешь! Это такой способ устраивать маленькие праздники. Просишь до площади подкинуть, а тебя до дому везут! Здорово же! Говоришь, что проголодалась, хлоп – целый ресторан с музыкой, хрусталём и шампанским!

– А ты проголодалась? – подозрительно спросил Тимофей.

Снова рассыпались колокольчики смеха.

– Этот вариант с тобой не прокатит. Я бутербродов наделала. Сейчас принесу. У тебя, кстати, сыр закончился... Быстренько съедим и поедем. На самом деле времени маловато, а я ещё девчонок своих потискать хочу.

В городе всё-таки ввели режим ЧС. На перекрёстках стояли военные. По жилым кварталам ездил уазик с громкоговорителем и невнятно хрипел про комендантский час и про адреса опорных пунктов полиции. Связь по-прежнему отсутствовала.

Над жилыми кварталами сегодня дыма не было, но зато далеко за рекой, где над тайгой возвышались трубы Комбината, полыхало такое зарево, что становилось страшно. Чёрные клубы поднимались до самых облаков, затягивая всю северную часть небосвода.

Тимофей вёл машину не спеша: собрались быстро, так что пока успевали. Судя по отсутствию очередей на остановках, ситуацию с автобусами утрясли: хоть что-то наладилось. У моста кроме машин стоял ещё связной бронетранспортёр с рамками антенн по периметру корпуса и со сложенной радио-мачтой.

– Как будто война... – тихо сказала Яна.

– Да уж... Ты после работы пробегись по магазинам, на всякий случай продуктами запасись. Не нравится мне всё это.

Через десять минут Тимофей остановился у подъезда Янкиной девятины.

– Спасибо, Тим.

Она выскочила из машины без всяких там поцелуйчиков, лишь помахала рукой. Он подождал, пока она скроется в дверях, и растерянно почесал в затылке.

«Что дальше-то? К Лёхе проскочить? А смысл? Пожалуй, надо ехать работать. Новости заодно послушать...»

О кошмарах наяву

Часа два он катался по Правому. Пассажиры рассказывали всякое, однако по большей части истории были столь нереальными и дикими, что Тимофей только качал головой.

Кто-то божился, что в соседский дом вчера весь день хлестали молнии так, что все антенны на крыше расплавились; другой пассажир с полубезумным взглядом и нечёсанными волосами что-то бормотал про жутких чёрных тварей, которые утаскивали припозднившихся одиноких прохожих; пожилая набожная женщина рассказывала про красных всадников и пролившийся на город кровавый дождь...

Особенно запомнились нарики, которые прокатились в два адреса, но при этом рассчитались вперёд и сидели такие пришибленные и тихие, что он сам, не выдержав, спросил:

– Стучилось, пацаны, что?

Они переглянулись, Тимофею показалось, что со страхом. Потом тот, что сидел рядом, нехотя сказал:

– Кенты ночью... пропали куда-то. На девятом микрорайоне. Не слышал? – огромные зрачки просто впились в Тимофея.

– Не. Я с Левого вообще-то.

– Приехали на хату. На тачке. – В глазах парня снова мелькнула тень ужаса. – Ну, замутили, то, сё... Потом надо было метнуться по делу. А Паха остался со шмарой. И ещё один кентишка. Ну, мы вернулись минут через двадцать, а... Там – вилы! Двери вынесены, кровийшей всё залито, какие-то куски... Трупов-то нет, но... А на всех стенах шашечки нарисованы, как в такси. Кровью!

– Фига се! – Тимофей выслушал недоверчиво, поскрёб щетину, предположил: – Может вам это... Привиделось?

– Хрена там! Привиделось... А главное, – парень понизил голос, – базар до этого был... Ну, щипача-то того кинули, с кем приехали. Главное – бабок хватало, я спецом Пахе отдал полтос. А он зажал. И говорит: «Да что он сделает-то? В мусарню побежит?» А Саня: «А если сюда поднимется?» А Паха: «И что? Сожрёт нас? Порежет на мелкие куски?»

Дальше ехали молча. Перед тем как вылезать, нарик ещё раз поинтересовался:

– В расчёте, шеф?

– В расчёте, в расчёте...

Следующие несколько дней ситуация в городе лишь осложнялась. Слухи насчёт Иркутской трассы подтвердились: за неделю до Таёжного не добралось ни одной машины. Поезда по-прежнему не ходили.

Народ ломанулся сметать с полок магазинов всё подряд: давка, крики...

На пятые сутки почти все продуктовые позакрывались. Местная агрофирма, хлебозавод и несколько мелких пельменно-колбасных цехов продолжали работать, но всю реализацию под контроль взяли городские власти. Через неделю были введены продуктовые карточки. Тимофей помнил уже подобное – в самом конце восьмидесятых. Но сейчас всё было гораздо страшнее – потому что непонятней.

По местному телеканалу и на радио выступления мэра, депутатов и представителей разных ведомств с призывами к спокойствию сменяли одно другое, а в головах людей всё ширился и ширился ужас, подогреваемый гуляющими по очередям сплетнями и леденящими кровь рассказами соседок...

Тимофею запало в память: он стоял в кармане у дороги в ожидании пассажиров, а по тротуару, слегка шатаясь, приближалась женщина с бледным лицом и чёрными, падающими на глаза волосами. Одежда на ней была порезана на длинные полосы, а руки испачканы чем-

то красным. Она шла и разговаривала сама с собой, не кричала, но – в полный голос, так что было слышно даже сквозь поднятое стекло:

– Всё. Конец. Думаешь? Да! Оно пожрёт всё, всё... Нет! Да! Мы все умрём! Будем душить друг друга, резать и напиваться кровью! Нам же так хочется...

Поравнявшись, она резко шагнула к машине, наклонилась, её ладонь впечаталась в лобовуху. Лицо придвинулось настолько, что на стекле появился туманный след её дыхания. Она сказала:

– Нас поглотит тьма! Мы растворимся... – потом жутковато негромко рассмеялась и пошла дальше.

– Кассандра, блин, – пробормотал Тимофей.

Кликушествовавшая ведьма потом мерещилась ему целый день...

Тимофей продолжал ежедневно выходить на линию и смотрел по сторонам уже не просто с беспокойством, а порой – с откровенным страхом. Сначала он полагал, что кто-то намеренно сеет панику, пользуясь неразберихой со связью, но странностей в самом деле становилось всё больше, и отмахиваться от них стало просто невозможно.

Поворотной точкой для него стал кошмар наяву, который поверг его в полную прострацию на несколько суток...

День был в разгаре, он вёз с автостанции на Правый какого-то напыщенного «бизнесмена».

Тимофей терпеть не мог таких, прям раздувающихся от ощущения собственной важности. Разговаривать с каким-то там таксистом этот лысый крендель считал ниже собственного достоинства, однако от вещания великой истины удержаться был не способен. В результате он никак не мог заткнуться, но каждое слово едва ли не цедил сквозь зубы.

Тимофея настолько взбесил этот хлыщ, что он даже позабыл о неурядицах последних дней. Однако, несмотря на кипение в глубине души, он какое-то время ещё держал себя в руках.

– Ну... обзывать людей нищетодами только потому, что они не ездят на мерседесах, вряд ли умно. Тем более, если во многом от них зависишь, – хмыкнул он, продолжая разговор.

– Нището – это не оценка. Это внутренняя суть. Такие как вы никогда не поймёте, что значит быть настоящим человеком. Вам просто не дано. Вы согласны быть неудачниками. Купив эту шушлайку, – он брезгливо скользнул глазами по салону «Фита», – вы сами заранее поставили на себе крест.

– Человек действует в рамках имеющихся возможностей.

– Кто мешал вам взять кредит, родственников потрясти и приобрести что-то приличное? Бэху-семёрку, ну или хотя бы С-класс... Дело даже не в деньгах, это вопрос имиджа, самоуважения!

– Что за странная идея брать под такси бэху-семёрку? Она ж себя даже не отобьёт!

– Об этом я и говорю... Вы сами ограничиваете свои горизонты и притязания. Вообще сам факт того, что вы в таком возрасте работаете в такси, говорит о том, что вы неудачник и не смогли ничего добиться в своей профессии... На кого-то же вы учились?

– Скажем, я учитель. Но эта профессия в принципе не предполагает, что я когда-нибудь смогу позволить себе роллс-ройс. Или вы считаете, что учителя должны брать взятки за оценки и приторговывать дипломами для того, чтобы, по вашему выражению, чувствовать себя «настоящим человеком»?

– Ну... – лощёный тип немного замешкался. Назвать всех учителей неудачниками язык, видимо, не поворачивался. – Это, конечно, частный случай... Но опять же – вы сами выбирали профессию, вы ведь понимали, какие у вас финансовые перспективы?

– У хорошего учителя – нормальные перспективы. Любимая работа в первую очередь. Благодарные ученики. Близкие люди. Квартира, машина, дача. И, слава богу, уже не девяно-

стые, сейчас учитель и в отпуск может себе позволить съездить, и ремонт дома сделать. А без мерсов и ролексов вполне можно жить и наслаждаться жизнью.

– Вы всю жизнь будете зависеть. От государства, от начальства. Вот сейчас – вы от меня зависите. Вы же за эти паршивые две сотни готовы на всё!

Тимофею почти непреодолимо захотелось вклепить по самодовольной круглой харе. Чтобы сохранить спокойствие, он не спеша выдохнул, внимательнее глянул по сторонам. На перекрёстке свернул налево, дорога пошла чуть вниз, к мосту. Машин почти не было – попала лишь пара встречных. За последние дни транспорта вообще стало заметно меньше... Он снова посмотрел на пассажира, скользнул взглядом по лоснящейся, словно полированной лысине.

– Вы недальновидно хамите. По-моему, это как раз вы не способны думать ни о чём, кроме денег. И понтов. И, видимо, осознание себя высшим существом одновременно убавляет мозгов. Вы ведь от меня зависите ровно в той же степени, что и я от вас. Я вас сейчас высажу, и – будете стоять здесь и утираться своими «паршивыми сотнями».

– Ну, остановите. Вы никак не поймёте, что вы – винтики! Вас ничего не стоит заменить! Вы не повезёте – другой подвернётся. Я заплачу ему, а вы так и останетесь ни с чем. Хотя уже потратили время и бензин...

Тимофей резко ударил по тормозам.

– Валяйте.

– В смысле?

– Машинку освободите. А то я монтировкой помогу.

Жлоб надменно фыркнул, выбрался на обочину, забрав с заднего сидения толстую чёрную папку с документами и – кто бы сомневался – припечатав дверью.

Тимофей молча выругался, включил поворотник и одним движением развернулся в обратную сторону, несмотря на узкую двухполоску. Славная машинка – «Фит», на каком-нибудь грузовике типа «крузак» пришлось бы корячиться туда-сюда в четыре захода!

Он отъехал уже метров на сто, когда что-то в зеркале заднего вида показалось ему странным... Тимофей пригляделся, сбросил скорость, совсем остановился. Потом даже вышел из машины, с изумлением наблюдая за происходящим.

До моста было метров, максимум, триста, несмотря на пасмурное небо видно всё было отчётливо, и даже звуки раздавались, казалось, совсем рядом.

Серебристые фермы моста ходили ходуном. Потом ближний конец выгнулся невообразимой дугой со скрипом и металлическим звоном и внезапно взлетел на высоту девятиэтажки. За ним волнами пошли остальные пролёты и весь мост стал похож на гигантское подобие змеи.

Он оставался решетчатым и квадратным, но изгибался рывками, скручивался штопором; дорожное покрытие растрескивалось и кусками сыпалось в реку; под асфальтом обнаружились рельсы и остатки старого деревянного настила, которые вдруг вспыхнули сразу по всей восьмисотметровой длине.

Мост всё больше походил на кошмарного дракона, пылающего изнутри, рассыпающего в разные стороны искры и угли. Задранный в небо ближняя арка, разрывая сотни толстенных заклёпок, раскрылась, превратившись в огромную пылающую пасть. Оттуда словно огненная пена закапали вниз горящие капли расплавленного гудрона.

Чудовище двинулось вперёд, со скрежетом отдирая крепления, кроша бетонные опоры. Один из быков посередине реки не выдержал и обрушился; адское создание соскользнуло в воду. В воздух взметнулись клубы пара.

Берег был высокий, скалистый, и змей на короткое время скрылся из глаз, но не прошло и десятка секунд, как его «голова» снова показалась над обрывом, стремительно рыская из стороны в сторону. Ещё несколько мгновений – и смятые фермы с удивительной быстротой

потянулись вверх, взрывая асфальт, растирая в крошку камни... Внутри стального скелета уже ничего не горело, лишь рельсы светились ярко красным, почти оранжевым светом.

Мир вокруг словно замер. Тимофей не мог поверить, что всё это происходит на самом деле. Внезапно он заметил на обочине того высокомерного уродца и понял, что ещё немного, и кошмарный монстр доберётся до него. Человек выглядел соринкой на фоне лязгающей и скрежещущей громады.

Тимофей вскочил за руль, врубил заднюю и газанул.

«Бизнесмен» некоторое время стоял столбом, потом повернулся и, уронив свою важную папку, неуклюже побегал прочь от приближающейся смерти.

Поравнявшись с машиной, он стал неистово дёргать за ручку двери.

Тимофей затормозил, разблокировал дверь... И вдруг на него накатило мстительное, совершенно иррациональное на фоне надвигающегося конца чувство брезгливости и отвращения. Он молча смотрел на искажённое ужасом лицо.

– Проезд оплачиваем.

– Что-о-о? – взгляд пассажира метнулся назад, затем обратно к Тимофею. – Оно сейчас... Гони-и-и! – он почти визжал.

Тимофей коротко размахнулся и с наслаждением впечатал кулак в ещё недавно такую высокомерную и важную рожу. Лысый заткнулся.

– Успокоились? Проезд оплачиваем. Цены внезапно подскочили... Теперь билет стоит миллион. Или – на хрен, пешочком.

– Сколь...?! Но... – обречённо прошептал лысый, доставая дрожащей рукой из внутреннего кармана портмоне и протягивая его Тимофею.

Тот презрительно отмахнулся, хмыкнул, пробормотал:

– Хозяин жизни... Слякоть... – И отчаянно вдавил педаль газа в пол.

Вовремя. Исполинская решетчатая тварь была уже в двух десятках метров, ей достаточно было одного небольшого рывка...

Правое колесо забуксовало по обочине, мелкий щебень забарабанил по подкрылку, но через долю секунды хондочка выпрыгнула на асфальт и рванулась вперёд.

Монстр дёрнулся вслед, не достал, резко развернулся, свиваясь в кольцо, превращая в груды обломков тянущиеся вдоль дороги гаражные боксы.

Рядом располагалась небольшая автозаправка. Огромное «тело» смело здание, колонки, навесы... Занялся пожар, языки пламени и чёрные клубы дыма потянулись к небу.

Тимофей долетел до перекрёстка, свернул направо и остановился, вытирая пот со лба и переводя дух.

Опустив стекло, он с минуту заворожённо наблюдал, как в полукилометре в раскалённом аду купается эта невозможная тварь. Она кружилась, извивалась, подпрыгивала, словно выстреливая своим скелетом на сотню метров вверх и снова рушилась в бушующий огонь.

Ярко полыхнуло, через пару секунд донёсся грохот взрыва. Наверное, начали взрываться подземные ёмкости... Оставаться было опасно.

Тимофей тронулся с места. Взглянув в зеркало, он увидел вокруг себя бледное зеленоватое свечение. Дежавю... Он перевёл взгляд на руки – всё нормально.

«С зеркалом, может, что? Угу... С головой, скорее...»

Он высадил кренделя на ближайшей остановке и погнал домой. Зелёная дымка в отражении исчезла, но ему всё равно было страшно. Хотелось как в детстве спрятаться с головой под одеяло и, не дыша, прислушиваться к звукам за дверью...

Глава 4. Конец света?

Бред вселенной

– Я не сошёл с ума! Я не сошёл с ума!

Он мерил шагами квартиру: от зала до кухни и обратно. Восемнадцать шагов туда, восемнадцать в другую сторону...

Мир рушился в его голове.

Тимофей всегда был материалистом. Не то чтобы принципиальным и воинственным, скорее – убеждённым всей своей повседневной жизнью. Всё, что он видел с детства и до сего дня, всё о чём читал или слышал – вполне можно было объяснить, исходя из простых рациональных соображений, не трогая ни богов, ни духов, ни прочей чертовщины. И для этого вовсе не требовалось быть профессором всех наук, достаточно было нормально учиться в школе!

Но то, что произошло там, у моста... Это было невозможно. Совсем!

Мог ли это быть какой-то гипноз? Сон наяву? Какая-то чудовищная мистификация? Или всё-таки – просто бред? Может быть, он лежит в какой-нибудь больнице, стукнувшись головой, и всё это ему лишь представляется?

Вспомнилось: «Может вам это... Привиделось?» – «Хрена там... Привиделось!»

– Я не сошёл с ума!

От страха мерзко щемило где-то в позвоночнике. Он боялся не кровавых маньяков и даже не огнедышащего моста, он боялся потерять способность связно мыслить, перестать быть собой.

«Так. Представим, что это какое-то внушение. Направленное или заранее сделанное... Сомнительная версия, но... Или, может, – это кто-то прикалывается? Кто? Инопланетяне? Ну... в данной ситуации не худший вариант...»

Он остановился у окна. Уже стемнело, во дворе зажглись оранжевые фонари. На парковке под деревом ютилась одинокая хонда.

«Нужен какой-то способ проверить... Впрочем, это очевидно. Съездить и посмотреть. Сейчас? На ночь глядя? Или утро вечера мудренее?»

Через десять минут он спускался во двор. На всякий случай пешком.

Он погнал не к мосту, а в противоположную сторону: на море, бескрайнее местное водохранилище. Вдоль залива тянулась длинная насыпная плотина, и с её высоты открывался изумительный вид почти на весь Левый, на Ангари, на мост... По ночам мост обычно светился сотнями огней, которые отражались в быстрой воде, вид был просто сказочный...

Едва выехав на дамбу, Тимофей понял: нет, мир не пришёл в себя. Моста не было. В темноте с трудом можно было различить пустые опоры, в том числе и ту – вторую слева – разрушенную стальным монстром.

По дороге домой его тормознул патруль, проверили документы. Но до начала комендантского часа оставалось всего минут сорок, и надолго его не задержали.

Прошла ещё неделя. Мир стремительно превращался в большой сумасшедший дом. Единственное, что радовало Тимофея, – факт того, что он всё же не слетел с катушек, а если и слетел, так не один, а заодно со всеми остальными.

Попасть на машине в старую часть города, где со времён первостроителей теснились деревянные ещё двухэтажки, стало невозможно: все проезды в одну прекрасную ночь усеяли загадочные бугры наподобие противотанковых надолбов; Тимофей, проезжая мимо, несколько раз слышал звуки перестрелок. Здание детской поликлиники, возвышавшееся неподалёку, отго-

родили от остальных «Деревяшек» колючей проволокой, сама больница вроде бы даже ещё работала.

На месте снесённого тубдиспансера к небу тянулись неведомые, выросшие за одну ночь фиолетовые растения, слишком похожие на щупальца осьминогов. Когда поднимался ветер, щупальца начинали шевелиться, и казалось, что они вот-вот дотянутся до проходящей мимо дороги. Водители редких машин, пролетающих мимо, невольно ещё добавляли газу.

На улицах теперь даже днём иногда можно было встретить странных созданий, порой – совершенно безумного облика. Твари эти далеко не всегда оказывались агрессивными, но невозможно было не опасаться их: то какие-то бесплотные призраки, то пауки размером с собаку... Поговаривали, что дачи на девятом километре оккупировали толпы мертвецов-зомби, которые, правда, не пожирали людей, а лишь бесцельно слонялись по улочкам и вытапывали огороды. Впрочем, и про злобных зомби сплетен тоже хватало.

Тимофей по-прежнему выезжал на линию. На Правый теперь осталась только одна дорога – через ГЭС, но там без спецпропуска было не проехать, поэтому приходилось кататься по месту, да в Ухан – ближнее село. Шарахания от всякой непонятной нечисти, длинные крюки в объезд загадочных аномалий, а иногда даже – валяющиеся у дороги трупы... Такая работа выматывала. Изнурительный страх и растерянность мешались со всё усиливающимся ощущением бессмысленности каких-либо действий. Однако сидеть дома и ждать непонятно чего было совсем невыносимо, работа хоть как-то отвлекала от апокалиптических мыслей.

Ненавязчиво подкралась ещё одна проблема: нужно было ехать за урожаем. Тянуть было некуда, по ночам уже случались заморозки, хорошо ещё, бабье лето в этом году выдалось сухое...

Вспоминая свой куцый огородик, Тимофей крепко призадумался. Могло так получиться, что эта картошка к весне будет единственным спасением от голода. Обычно двух-трёх мешков ему хватало до июня за глаза: много ли нужно одному? Но как всё сложится этой зимой?

Но до дачи ещё нужно было добраться.

На втором километре прямо вдоль трассы располагалось старое городское кладбище. И поговаривали, что усопшие с недавних пор не покоились там с миром. Ещё неделю назад, услышав бы такое, Тимофей только хмыкнул бы, да покрутил пальцем у виска, но теперь ехать было реально страшно.

В голливудских фильмах зомби – обычное дело, и доблестные герои лихо косят их десятками и сотнями... Но в кино у каждого дома целый арсенал, а что ни тачка, то какой-нибудь пикап наподобие бронепоезда. А тут что? Штурмовать толпу бродячих покойников на игрушечной хондочке с пластиковым бампером? И с боевой монтровкой в руке? Без помощи было не обойтись.

В пору работы в колледже у Тимофея был хороший приятель, коллега, с заковыристой финской фамилией Мякярйнен. Классный компанейский мужик, страстный охотник, который каждые выходные с октября по январь в любые морозы пропадал в тайге. Он был старше лет на семь, и Тимофей обычно обращался к нему по отчеству. После того как Тимофей вылез в начальство, дружба несколько потускнела в силу чёртовой субординации и бюрократии, а после увольнения пересекаться стали совсем нечасто. Но изредка созванивались, пару раз даже собирались слегка попойнствовать старой компанией...

Тимофей с трудом припомнил номер квартиры в старенькой пятиэтажной хрущёвке, поднялся по обшарпанной лестнице, стараясь шагать бесшумно, настороженно прислушиваясь. «Вроде – здесь». Нажал кнопку звонка, в глазке мелькнула тень.

Дверь открыла симпатичная деваха лет двадцати с чудными серо-голубыми глазами и короткой стрижкой. Красный спортивный костюм нисколько не скрывал фигуры, даже подчёркивал...

– Ого! Санька, ты что ли? – Тимофей был слегка ошеломлён. Александру – дочь Викторыча – он помнил ещё школьницей, деловой и колючей... *«Это ж сколько времени-то прошло?»* – Да ты прям невеста! Папка дома?

– Здравствуйте, дядя Тима! Заходите...

– О, какие люди! – из комнаты показался хозяин, жилистый сухой дядька со светло-рыжей шевелюрой, соответствующими усами и знакомыми насмешливыми морщинками в уголках глаз.

Они искренне обнялись и сразу пошли на кухню – неизбывная советская привычка!

– Ну, ты как?

– Да как... – Викторыч налил крепкого чая, насыпал в берестяную корзинку разнокалиберных конфет. – Вишь, что творится-то. Пока работаем... Но вообще я думаю, они правильно сделали, что не позакрывали нас всех до лучших времён. Когда всё катится в ад, должна оставаться хотя бы видимость порядка. Да и пацанам лишний присмотр. Ты Виткова-то застал ещё?

– Смутно. Что с ним?

– Похоронили на той неделе. Жуткая история. Пришёл на пару к третьекурсникам. Как обычно какой-то скандалчик по поводу опоздавших закатил. А потом... Пацаны говорят – стал головой о стол биться, о стены... Староста за начальством, Наталья прибежала, а он ей в дверях навстречу... Она – в обморок, а он вышел каким-то образом на улицу, до обрыва добрёл – помнишь, за вторым корпусом? И со скалы... У одного пацана – шок до потери речи, пришлось скорую вызывать. Потом полиция, комиссия, разбирательства...

– Н-нда. А я, знаешь, видел, как мост наш погулять решил. Своими глазами, слушай, в пятидесяти метрах стоял, еле успел свалить! – Тимофей помолчал. – И что думаешь? Конец света?

Викторыч покачал головой, хлебнул чаю.

– Конец... Да ты понимаешь, конца-то не видно! И знаешь, ещё: уж больно всё какое-то лубочное, ненастоящее. Мне иногда кажется, что мы все в какой-то хреновый фильм-ужастик попали. Тут под окнами по ночам какая-то тварь бродит: ну чистая «корпорация монстров»! Цирк на колёсах... Но с другой стороны люди-то гибнут по-настоящему! И делать что? Жить всё равно надо, несмотря на весь этот бред вселенной, этих вон оболтусов кормить...

– Да уж... А ведь да, ты прав, действительно на тупое кино похоже... И вот, кстати, насчёт «кормить»; я чего заглянул-то. Помощь нужна. Ты картошку выкопал?

– Конечно... На прошлых выходных ещё. До того, как всё совсем бредово стало. Хорошо, дача – под боком...

– А я что-то затянул. И боюсь теперь без оружия на двадцать первый соваться. Слышал про кладбище? Ты мне ружьишко в аренду не дашь на пару дней?

По картошку...

Выехали едва рассвело. Тимофей заскочил сначала за Викторычем, а потом – за Геннадием, его напарником по промыслу. Охотники были с карабинами, Тимофея вооружили двухстволкой:

– Держи. ИЖ-двадцать семь – надёжная штука.

Отъехав метров двести от городской стелы, остановились. До кладбища оставалось рукой подать – только с горы съехать.

А вокруг бушевала самая что ни на есть золотая осень, последние деньки. Было немного зябко с утра, но ясно и безветренно, вокруг стояла тишина, только потрескивали провода ЛЭП над дорогой.

– Ну что? – На лице Викторыча играла улыбка – совсем не деланная и даже чуть азартная.

– Погодка – шепчет! Ощущение, что мир пришёл в норму и всё стало как раньше... За рыжичками бы сейчас! – Тимофей снова оглядел окрестности, долго всматривался вниз, туда, где дорога исчезала за плавным поворотом. – Ну, надо пробовать. Мужики, ещё раз: даже если там действительно... покойники бродят – стрелять не спешите. Только в самом крайнем случае. Я медленно поеду, если что – успеем заднюю дать или развернуться.

Гена молча кивнул. Викторыч ещё раз осмотрел Тимофееву вертикалку:

– Предохранитель снят, осторожнее. Патроны вот, в коробке.

– Ну... С богом. – Тимофей опустил все стёкла в машине и потихоньку тронул с места.

Вниз, вниз, длинный левый вираж, короткий правый, справа меж сосен замелькали первые оградки могил.

– Вот они!

Впереди действительно маячили чьи-то фигуры. Мертвецы – не мертвецы, издали было не разобрать. Их было не так уж и много, пятнадцать, может – двадцать. Большая часть толпилась на засыпанной гравием площадке перед кладбищенскими воротами, но четверо медленно прохаживались и по проезжей части.

Тимофей сглотнул, крепче вцепился в руль, левую руку положил на селектор вариатора, чтобы если что – мгновенно врубить заднюю.

Ближе... Ещё ближе. Напряжение нарастало: казалось, звенел сам воздух.

Их явно заметили, покачивающиеся фигуры медленно повернулись навстречу машине.

– Ч-чёрт!!!

Они не очень походили на киношных зомби: скелеты в гнилом, перемазанном глиной тряпье. Тот, что поближе, видимо, был похоронен не так давно и не дошёл ещё до стадии полного разложения: половину черепа обтягивала плоть, в которой что-то тошнотворно копошилось, а из пиджака даже выглядывал воротник рубашки.

Тимофей поймал себя на том, что страх куда-то ушёл, осталось только брезгливое отвращение; его слегка мутило. Он коротко посигналил.

Трупы несколько секунд покачивались на месте, а потом... начали расходиться, явно пропуская машину. Похоже, двигаться им было непросто; словно марионетки в неумелых руках, они ковыляли мелкими неровными шагами, освобождая середину шоссе.

Тимофей не дожидаясь, пока они совсем уйдут, направил хонду между фигурами. Смотреть на них он был не в силах и взглядом упёрся в асфальт. Краем сознания отметил, что по обочинам валяются какие-то мерзкие останки. Видимо не все проезжавшие делали это столь же деликатно.

В открытые окна пахло гнилью и запахом сырой земли. Викторычу пришлось убрать в машину выставленный ствол карабина.

Проехали! Тимофей поддал газу.

– Твою мать! – выругался Геннадий, вытирая рукой пот со лба. – Если бы хоть один из них ещё и рукой шевельнул, я бы не удержался!

– Такая же фигня. Ну и нервы у тебя, Тимоха! – Викторич хлопнул его по плечу.

– Да не нервы тут... Видели там на обочине что творится? Кто-то как в ГТА летел сквозь толпу... А это же люди! Ну... мёртвые. Чьи-то родные. Их похоронили, за могилами ухаживали. А теперь – что? – У Тимофея не очень получилось сформулировать мысль, его до сих пор потряхивало, и он насуплено замолчал.

До дачи добрались без происшествий. Загнав машину на уютную полянку рядом с баней, Тимофей осмотрел свои владения. На первый взгляд, всё было в порядке.

Ближние соседи давно разбежались – к концу девяностых едва ли не половина надёлов оказалась брошенными; многие даже с постройками. Заборы повалились, огороды заросли осинником, и Тимофеева банька незаметно оказалась на отшибе, почти в лесу.

Нынешние события не прошли мимо дач: тут и там чернели сторевшие остовы. Однако на многих участках работали люди, кто-то топил баньку: вкусный смолистый дымок расползлся над огородами.

Надо было приниматься за дело.

Одолев десяток Тимофеевых грядок буквально за час, они не спеша проехали вдоль улицы.

– Ну, что? Помародёрим? – Гена кивнул в сторону высокого крепкого забора.

Дома здесь не было; на его месте слегка дымилась огромная груда золы и спёкшегося стекла. Однако теплица, парник, ухоженные грядки – пребывали в полной неприкосновенности.

Вообще говоря, с такой задумкой и ехали. В самом деле: все кто хотел разобраться со своими огородами, сделали это ещё две недели назад. Ну, неделю. Тимофей сильно припозднился в этом году, обычно в Таёжном осень ранняя и быстрая, и копать начинали ещё в конце августа, а сегодня уже семнадцатое сентября! Тем более, что эта дача выглядела очень прилично, хозяин явно был рукастый и скрупулёзный. Неужто бы такой не позаботился вовремя о своём урожае, если бы был жив?

Домой вернулись как из завоевательного похода, забив салон под самую крышу: картошка, морковка, тыквы с кабачками, чеснок и ещё куча всякой мелочи... Колёса на кочках скребли по аркам.

Тимофея заела совесть, и он оставил изнутри на калитке чужой дачи записку со своими координатами, твёрдо решив, что если хозяин объявится – вернёт собранное. Впрочем, все понимали, что хозяин скорее всего уже никогда и ничего не потребует...

Глава 5. Выхода – нет

Вечер

Он, съёжившись, сидел в заглушенной машине и разглядывал свой дом через запотевшее по краям лобовое стекло. Во взгляде сквозили усталость и обречённость.

В крайнем подъезде на девятом этаже выбиты стекла... А справа, на первом, окна целой квартиры просто исчезли: вместо них – только серая поверхность, похожая на дырчатый бетон, неровная, испещрённая раковинами и трещинами. Эта зараза выперла изнутри два дня назад; лезла из всех окон, через сквозные розетки – к соседям; металлическую дверь квартиры выгнула пузырьком, а затем просто выдрала... И застыла. Соседнюю дверь мужики потом вырубали ломом и кувалдами. Но в самую семьдесят шестую долбить побоялись, уж больно мерзко там что-то булькало и чавкало...

Побуревший берёзовый листок, застрявший в щели, мелко трепещет от зябкого осеннего ветерка... Рядом с крыши подъезда вдоль стены свисают странные, похожие на синеватые водоросли побеги, с которых на отмостку натекает лужа какой-то зелёной гадости...

Тротуар и дорога возле дома с некоторых пор побелели: с неделю назад весь асфальт вокруг дома внезапно начал дымиться, кто-то вовремя заметил, закричал, и жильцы от безвыходности начали поливать кто чем мог – ведрами, тазами, кто-то даже прямо из окон... Шипение, клубы пара... Жильцов в доме оставалось немного. Могли и не справиться... К счастью, через двадцать минут отчаянной борьбы налетел шквал, нагнал чёрные косматые тучи, и хлестанул такой ливень вперемешку со снегом, что только держись!

Тротуары, парковка, проезд – всё сохранилось и даже в приличном состоянии, только асфальт стал почему-то цвета слоновой кости... Всё пока складывалось не так плохо, учитывая, что на Школьную, к примеру, теперь не то что проехать – пройти было проблемно: расстрескавшиеся дороги и газоны непрерывно ходили невысокими волнами, словно земля дышала и готова была вот-вот разверзнуться...

Вообще, дом сохранился просто чудесно на фоне остальных. Многие здания стояли с закопчёнными после пожаров стенами, некоторые вообще словно после артобстрела, а первая общага по Приморской просто рухнула после мощнейшего взрыва, похоронив под завалами серого кирпича сотни жильцов.

Нет, не «просто» рухнула! Неделю потом куча обломков шевелилась, как огромная амёба, не давая даже приблизиться пожарным и спасателям, распространяя ужасный запах и вселяя почти неконтролируемый страх во всех, кто оказывался рядом.

Гибель стольких людей разом казалась страшной трагедией, никто не мог представить, во что всё это выльется через неделю. Взбесившиеся дома, нашествия неведомых тварей, загадочные болезни и валяющиеся по улицам трупы...

Тимофей поморщился. Думать о трупах сейчас было не ко времени.

Вокруг не было ни души, несмотря на ранний вечер: люди теперь на улицы предпочитали без лишней надобности не выходить.

Хонду Тимофей решил оставить во дворе: выехать собирался с самого утра, ещё затемно. Заранее залил полный бак, закинул в багажник ещё и две полные канистры, запчасти по мелочи: релюшки, лампочки, бензонасос, пару камер на всякий случай и даже вулканизатор, как в старые добрые времена. Дома ждал собранный в дорогу рюкзак.

С мужиками со двора тоже всё было обговорено: и чтобы дежурство на крыше продолжали, и чтобы укрепили мачту антенны, окна в тридцать третьей заколотили, обходы квартир регулярно делали. Письма у всех своих собрал, целую пачку: авось получится прорваться...

Горючка заканчивалась, ещё неделя-две – и ехать будет просто не на чем. К тому же на носу снегопады. Первые морозы ещё не так страшны, а вот если внезапный снег... Куда на «Фите» по сугробам? Ребята предлагали взять какой-нибудь джип: брошенных было полно, но Тимофей хотел быть уверенным в машине на все сто. Опять же – расход. Хондочка бензин не ела, скорее – нюхала...

Где-то в мозгах засела предательская мысль о том, что поездка окажется бессмысленной тратой времени и горючего, не говоря уж о риске. Отделаться от неё было совершенно невозможно! Если уж вояки караваном не смогли пройти...

«Дорога – хорошая. За десять часов прошли около шестисот километров. До Хайрюзового ручья всё было нормально, а дальше – что-то непонятное... Расход топлива сильно вырос, заправлялись дважды. Когда половину соляры истратили, решили вернуться. Тем более – куда ехать-то? По километражу – уже под Иркутск должны были умотать! А тут – тайга голимая...»

Тимофей не думал, что парни сочиняют. Но он хотел точно убедиться. Лично.

Он вздохнул, вылез из машины, внимательно осмотрелся, кликнул сигнализацией. Десять метров до подъезда: осторожно но быстро. Недавно он обратил внимание, что стал совсем по-другому двигаться. Теперь каждый шаг был скольльзящим и бесшумным; недоверчивым, как по зыбкому болоту...

Металлическая дверь с кодовым кнопочным замком. Снаружи поперёк наварены обрезки уголка, усеянные остро заточенными штырями. Ночей пять назад какая-то тварь ломилась в третий подъезд, заметно помяв полотно, и на утро Горыныч (так прозвали Серёгу Горюнова из восьмидесятой второй) приволок маленький самодельный сварочник и решил дверь усилить. Мужики быстро подхватили мысль, натаскали всякого железа и заодно «апгрейдили» все три подъезда. Горыныч – хозяйственный мужик, рукастый. Да вообще, сказать по правде, – с соседями Тимофеем повезло. Восемь лет жил в доме и не подозревал, сколько отличных ребят совсем рядом...

Лифтом уже никто не пользовался: в шахте откуда-то проросли неведомые растения, которые застопорили его между четвёртым и третьим этажами. Лианы дотянулись по тросам до самого верха, а тонкие побеги тут и там проникали через щели лифтовых дверей на лестничные площадки. Но далеко они не лезли и опасности как будто не представляли, так что их не трогали.

На восьмой этаж, вдоль стенки, прислушиваясь, принохиваясь... Уже который раз мелькнула мысль, что хорошо бы раздобыть пистолет. Двустволка Викторыча стояла дома в постоянной готовности, но с собой же её всё время таскать не будешь...

Дома! Крадучись, заглянул во все комнаты, на кухню, в туалет, ванную. Всё в норме. Не спеша разделся.

Удивительно, но в доме до сих пор было не только электричество, но даже холодная и горячая вода! С учётом окружающего беспредела это было и впрямь загадочно. Но раз пока есть – нужно пользоваться!

Он упал в ванну и ждал, пока вода скроет замёрзшие колени. Долго валялся, грелся, погрузившись по самый нос, а в голове бродили какие-то бессвязные мысли...

«Родителям вовремя не позвонил, теперь – поздно... Кто ж знал... А подруга та в Ухане глазками-то так и стреляла... Хм... Маринка вчера что-то не в духе была... Хотя, кто сейчас в духе... Что там у Лёхи с Леной, интересно... Всё-таки хреново без связи! А Янка вряд ли на Левый теперь выберется... Жаль. Но а как? Тоже – детки, не бросишь... Всё-таки нужно было стекла в тридцать третью натаскать, зря поленились, что за фигня получится – фанера вместо окон...»

Попытка

За город выехал на удивление спокойно.

Кладбище... О большей части несчастных «зловещих» мертвецов добрые живые позаботились: вдоль обочин во множестве валялись кости и лохмотья истлевшей одежды. Страх... Страх делает людей жестокими. Или он просто проявляет то, что скрывается под благодистой личиной?

«Скорее бы снег лёг, присыпал всё это...»

Шум двигателя далеко разносился в прозрачном осеннем, слегка морозном воздухе. Серо-зелёные стены леса неспешно убегали назад. Салон прогрелся, можно было убавить печку. Тимофей воткнул в магнитолу флэшку, включил. Из динамиков понеслось:

«I ain't happy, I'm feeling glad

I got sunshine, in a bag...»

– Прямо в строку... – пробормотал Тимофей, потянулся перемотать, но передумал.

Чем дальше от города он отъезжал, тем больше казалось, что вокруг – обычный мир, где всё предсказуемо и незыблемо, где...

«А что там? Что там такого уж чудесного было? Когда-то давно – да, был чудный город. Ходили к соседям за солью и не запирали двери. Каждый был – таёжником, рыбаком, строителем – хозяином СВОЕГО города. Ребятня без присмотра бегала на Ангари лазить по скалам, купаться, ловить и жарить на костре гольянов. Поход школьников в лес был повседневностью, а не спецоперацией с привлечением гороно, милиции и опеки...»

Нет, конечно, тот Таёжный совсем не был раем неземным! Но это был город, до которого жителям было дело! Даже в тяжёлые девяностые, когда народ начал сваливать, оставалось что-то светлое! Крутейший в Сибири аэропорт построили! Фестивали бардовские проводили!

А потом всё незаметно превратилось в унылое... оно самое. Загаженные подьезды, зимой – даже на центральных улицах – чуть ли не полуметровые ледяные колеи... Загубили аэропорт, просто бросив гнить в тайге! Яхт-клуб превратили в какой-то кабак. Кругом нарки и алкаши, молодёжь разговаривает исключительно на фене и матом. Ни в одной тачке нельзя услышать ничего, кроме шансона! Своими глазами видел, как однажды «коллега» сажал эленину с двумя дошколятами, а из колонок при этом неслись такие загибоны, что и сапожник бы покраснел... И у того ведь даже мысли не возникло переключить! И это город романтиков и мечтателей? Что с нами стало?! Может, всё что происходит теперь – это логичное следствие? И поделом?»

Машина пронеслась мимо поворота на двадцать первый. Это были последние дачи, дальше только небольшой посёлок лесорубов на тридцать каком-то километре...

«Но разве найдёшь виноватого? Большая часть тех, кому что-то было надо, – поразбежались, молодёжь – та, что могла куда-нибудь поступить – тоже уезжала с концами. Энтузиасты-первостроители – давно постарели... и тоже уехали. И сейчас в Москве, Новосибе, Красноярске и даже Иркутске – что-то строится, обновляется, хорошеет... А у нас? Остались только мы: задавленные заботами, кредитами, проблемами, пытающиеся скрыться от мира в скорлупе своих мелких интересов...»

Возможно, городские власти могли бы что-то сделать, расшевелить народ, но им, судя по всему, не до города, эти господа непрерывно год за годом занимаются грызнёй между собой и набиванием карманов... Впрочем – старая истина: народ всегда заслуживает своей власти.

И ты?

Ну, наверное...»

Посёлок у речки Бадарма, название которой в переводе с тунгусского означает то ли «Огненная», то ли «Волчья пасть», встретил мрачным молчанием. Ни единого дымка из трубы, ни души на улицах... Тимофей не решился на разведку, лишь проехал медленно-медленно, внимательно всматриваясь в окна придорожных домов и вглубь переулков.

До Каменной добрался за час. Здесь он сделал небольшую остановку, набрал в канистру чистой, почти ключевой воды.

Вокруг по-прежнему был только лес; мир разительно отличался от того, городского: никаких ползающих камней и шевелящейся земли, никакого «серого марева» и горящего асфальта... Никаких фантастических тварей. По крайней мере – здесь их было не видно. Тимофей, тем не менее, не выпускал ружья из рук. Неясные нехорошие предчувствия никак не отпускали.

А потом всё произошло ровно так, как и рассказывал тот сержант, водитель военного бензовоза.

За Хайрюзовым распадком дорога словно вытянулась стрункой и пошла почти по прямой, с сопки на сопку, стрелой прорезая таёжные дали. Тимофей отметил, что с обочин пропали знаки и километровые столбы, а кроме того перестали встречаться съезды с трассы на лесовозные лесные дороги. Спидометр наматывал десяток за десятком...

Часа через три Тимофей капитально проголодался и решил устроить перекус.

Взобравшись на очередной перевал, он остановился на обочине, заглушил машину, вышел размять ноги.

Всё та же вселенская тишина... Заметно похолодало. Если на Каменной речке льда не было даже по берегам, то здесь стоял явный минус: изо рта поднимался лёгкий парок.

Вернувшись в тёплый салон, Тимофей с удовольствием перекусил: в фольге у него было завернуто несколько жареных ельцов, зелёный лучок, пара огурчиков, в термосе – горячий сладкий чай с жасмином и лимоном. Подкрепившись и повеселев, он собрался в путь.

На поворот ключа зажигания стартер отозвался как-то вяло, через силу. Внутри ёкнуло: только этого не хватало! «Вжик, вжик...» Завелась! Тимофей тревожно нахмурился. Аккумулятор должен быть в полном порядке: новенький, заряженный, специально подготовленный для дальней дороги. И зарядка вроде шла – лампочка сразу погасла...

Судя по спидометру, он отмахал почти две сотни и... В Сибири, конечно, в порядке вещей, когда от посёлка до посёлка три дня ходу, но не до такой же степени!

«Где Перевалочный, повороты на Окунево, Кашиму, нулевой на Заимку? Да уже и Степаново должен был проехать... Да сама трасса-то – ненастоящая: ни мостов, ни знаков, ни поворотов, ни тейциных языков... Уже и не верится, что эта дорога может куда-нибудь привести...»

Заниматься географическими изысканиями из чисто спортивного интереса Тимофее сейчас было не с руки. На всякий случай, однако, он решил проехаться ещё.

Минут через сорок снова засосало под ложечкой: от нервов, что ли? Не отрывая взгляда от дороги, порывлся в рюкзаке, достал большое зелёное яблоко, вкусно захрустел.

Яблока как будто не было! По-прежнему хотелось есть. Руки-ноги стали наливаться усталой тяжестью. Это было странно. Конечно, четыре часа за рулём – немало, но для прожжённого бомбилы это просто ерунда, в иные деньки и по двадцать семь часов работать приходилось...

И тут он увидел машину! Большая белая Тойота стояла, даже не съехав на обочину, прямо посреди полосы.

«Кроун Маджеста». Пустая.

Тимофей медленно объехал её, остановился в метрах десяти. Посигналил. Ещё подождал минут пять.

Усталость словно сдуло ветром, голод позабылся, снова накатило напряжённое ожидание опасности. Долгие часы в дороге среди хмуроватого, но, вроде, обычного леса как-то расслабили, заставили было поверить, что ещё не весь мир сошёл с ума...

Вспомнив про странное поведение стартера, он не стал глушить двигатель. По-индейски выскользнул на улицу, озираясь, с ружьём наперевес прокрался к Тойоте, обошёл. Сквозь стёкла был виден пустой чистый салон.

Капот был не защёлкнут. Тимофей осторожно приподнял его, заглянул: явно возились с аккумулятором; всё остальное с виду – в норме. Водительская дверь была закрыта на ключ, однако пассажирскую замкнуть забыли. Бардачок оказался пустым, в боксе между сиденьями – лишь одинокий диск Лары Фабиан.

Он поискал рычажок багажника, открыл, заглянул и туда. Домкрат, запаска. В глаза бросился здоровенный красный баллон: машинка была переоборудована под газ.

Тимофей захлопнул багажник и пошёл к своей хонде. Обратил внимание на старый, рассыпающийся по краям асфальт. Ровный, но положен, с виду, лет тридцать назад... Тут его словно что-то надоумило: он достал маленькую китайскую щешку и вернулся к «Маджесте». Добравшись до батареи, померил напряжение. Ноль.

– Круто. Это нужно было умудриться... Ну, не от времени же? Сколько она тут может стоять?

Он хмыкнул, громынул капотиной, вернулся к себе.

«Могло быть так, что посадили акк, с толкача автомат не заведёшь, попуток не было... И всё – пришлось бросить. А потом – саморазряд... Но всё равно, получается – давно стоит. Сами-то, интересно, куда ушли?»

Когда он уже закрывал дверь, откуда-то издали донёсся долгий пронзительный звук. Тимофей окаменел. Звук был очень странный, совершенно незнакомый. То ли стон какой-то гигантской чайки то ли сирена... Минута... Звук не повторялся. Тимофей взялся за селектор...

На указателе уровня топлива горела красная лампа.

– Вот чёрт! Рановато, не?

Из-за загадочного крика вылезать из машины было жутковато. Однако пришлось достать бензин, воронку... Беспреданно оглядываясь, он опустошил в бак всю канистру, закинул её назад, снова вернулся за руль, растирая замёрзшие пальцы.

«Так... Ну что? Дальше? Устал что-то... Сейчас вздремнуть бы часок... Только пожрать сначала!»

Часы на панели показывали полдесятого.

– Чего-чего? – Тимофей взглянул на небо.

Зимняя мутно-серая пелена скрывала весь небосвод, однако точно было светло. Да и по логике-то прошло часов пять, сейчас должно было быть около двух.

Он полез во внутренний карман куртки за телефоном. Аппаратик отозвался лишь чёрным экраном.

– О нет!.. Вырубился? – Тимофей надавил на кнопку включения, подержал... Ещё раз. Бесполезно.

– Не пойму... Сел что ли? Я ж его с вечера заправил!

Он достал зарядку, воткнул в прикуриватель. На экранчике загорелась красная пустая батарейка.

– Да ладно!

И вдруг у него в голове всё сошлось: одно к одному, как паззл. Подсевший аккумулятор хонды. Пустой на тойоте. Разрядившийся за несколько часов телефон. Постоянный голод. А ещё красная лампочка! И служивые ведь говорили, что расход топлива резко возрос! Он понял, что если сейчас «Фит» заглохнет, то скорее всего его будет уже не завести. И после этого он, вероятно, совсем скоро просто помрёт с голоду, даже если не нагрянет та вопящая тварь.

– Дальше, говоришь? Ну уж, пожалуй, пока что – нет. На это я пойтить не могу...

Он снял ручник и тихонько надавил на газ. Машинка послушно тронулась с места. Разворот.

Дома он был за полчаса до заката.

Глава 6. Последняя гастроль

Последующие три недели Тимофей помнил плохо. Какая-то однообразная злая тяготи́на на фоне прогрессирующего бреда.

Тех, у кого машины были на ходу, осталось – по пальцам пересчитать. Горючее, как бы, давно закончилось, и на чём ездили последние отчаянные – было покрыто тайной. Тимофей, к примеру, какое-то время скупал бензин по стоянкам.

Адекватные частники давно оставили своих четырёхколёсных коней в покое: любой выезд нынче был подобен покатушкам по минному полю. Но поскольку в баках авто что-то оставалось, то предприимчивые сторожа за соответствующую мзду могли некоторое время поддерживать нелёгкое дело извоза. Тем более, что многие хозяева никогда уж и не объявятся, а для тех, дотошных, что будут задавать вопросы, дядя Миша легко мог сочинять теперь всё что угодно. Типа: «Выпер из земли такой и растакой облезлый кальмар, ну, осьминог, мать его! Атомный видать, светился ажно! Высосал, зараза, бензин из баков и электричество из проводов... Ну, ушёл потом по энному адресу. На север тоись. Хорошо, хоть не растоптал ничо!» История бы прокатилась. И не такое видали...

Трое суток назад закрылся проезд по ГЭС. Не запретили – желающих не стало после того, как перевозивший продукты бронетранспортёр слизнуло с плотины какое-то очередное нечто из моря. Город превратился в два. Если только то, что осталось, можно было назвать городами...

Тимофей долго не мог связаться с Лёхой: у этого злодея руки никак не доходили, чтобы зарегистрироваться на форуме. Лена там где-то присутствовала, но под секретным ником, так что и тут не срастало. Тимофей и сам-то числился как «Синий Фит»... Позже через сайт администрации он смог вычислить её, наконец-то поболтали.

Лена и спроворила Тимофея на последнюю поездку.

Одна мадам, коллега Лены по работе, на неделю застряла в здании администрации из-за военного положения. А потом выяснилось, что через ГЭС уже и не проехать, и пришлось ей перебраться к Лёхе с Леной. А на Левом у неё дома крохотный карапуз и дочь первоклассница, и как там они – неизвестно. Нет, вроде соседи за ними приглядывают, но...

<Лен, а зачем ты мне это рассказываешь?> – подозревая подвох, написал Тимофей.

<Ну, Тим! Это же ты, оказывается – Синий Фит! Про вас тут, про перевозчиков, уже легенды ходят... Вдруг ты что-нибудь придумаешь, или хоть посоветуешь>

<:))) Ладно, посмотрю. Черкну, если что-нибудь надумаю. Лёхе привет.>

Темнота в тот день не наступила: случалось уже, что небо по несколько суток мерцало и светилось. Это не было похоже на северное сияние, скорее на какую-то безумную дискотеку в облаках, из-за которой город даже ночью был освещён, как хоккейная площадка.

Спать не хотелось, и Тимофей решил прошвырнуться до ГЭС. Посмотреть, примериться. Все прошлые разы иллюминация разгоралась надолго, а пока было светло – можно было не опасаться тварей из тьмы.

Предварительно нужно было связаться с дежурным по Мысу. Обычные дальнобойщицкие рации оказались отличным подспорьем. До Правого они не доставали, но в пределах двух-трёх километров – отличная штука!

– **Синий Фит, вызываю Мыс.**

– **Мыс, слушаю.**

– **Хочу к вам нагрянуть сейчас. Прихватить чего?**

Вообще-то на Мысу посторонним делать было нечего: военная часть, насколько это было возможно, пыталась охранять ГЭС – единственный источник цивилизации, а может быть и

жизни в городе... Но перевозчики пользовались льготами: как без них доставлять грузы? Оказалось, что далеко не всем водителям под силу находить теперь безопасные пути: требовалось особое чутьё, опыт, везение и большая доля сумасбродства. На Мысу из числа служивых таких было всего трое, поэтому гражданских по возможности тоже привлекали.

– На Крест можете заскочить? К приёмному. Там есть груз небольшой для нас. Килограмм на сорок.

– Лады. У вас попробую быть в течение часа. Предупредите воинов, чтобы не грохнули со страху.

– Посмотрим на ваше поведение, – фыркнул дежурный.

– Шутки это хорошо... – пробормотал Тимофей, разворачивая карту.

До городской больницы (позывной Крест) по прямой было метров триста. По короткой дороге – четыреста, но туда соваться не хотелось. Когда выпал снег, с ближних кварталов он почему-то стал сползаться наверх, к лестнице между больницей и гимназией, и теперь там образовалась огромная снежная куча, которая шевелилась и вспучивалась, не зная, видимо, куда податься. Она выглядела явно живой, и подъезжать к ней так близко Тимофей не собирался.

«По площади проехать можно, но на ближний проезд сейчас падает тень от ДК, а всё-таки ночь, мало ли... Слева – зыбь, но проскакивал там пару раз, вроде терпимо. А через ТЭЦ – это крюк четыре километра, да и на бетонников нарваться – раз плюнуть...»

Он тщательно продумал путь до больницы, затем – от неё до Мыса. Переговорил со Сторожем, коллегой со Школьной, уточнил не приползла ли к вечеру трясина и не появилось ли чего новенького. Потом связался с Крестом, предупредил, что выезжает.

Перебегая от подъезда до машины, чуть не свалил дурака: увидел приближающуюся тень справа и, вскинув свой двадцать-седьмой, едва не влупил сразу из обоих стволов. К счастью, в последний момент сообразил, что это «тёмный чих», или как там его, совсем новая тварь. Выстрел бы его только привлёк и разозлил, чихи идут на тепло...

Он рухнул в снег ничком и накинуд на голову капюшон. Мглистый вихрь пронёсся мимо, в сторону школы.

Выехав на площадь, он остановился и, не выходя из машины, с опаской огляделся. Здание ДК громоздилось тёмными глыбами, а под большим козырьком входа что-то зловеще копошилось. Много лет неработающий фонтан с облезлой бетонной чашей слегка парил, а может быть – дымился. Никто не проверял, что там такое... Небольшая зыбь на дальнем проезде мерно колыхалась ленивыми невысокими волнами, словно спокойная морская гладь. Снега здесь не было, асфальт местами раскрошился, но в целом проехать пока было можно.

Тимофей испытывал необычную мешанину чувств: страх, щемящее ожидание беды, любопытство с примесью какой-то мрачной романтики, некое непонятное «надо»... Кому надо, зачем?

«Ну, вперёд!»

Покачиваясь словно яхта, «Фит» медленно двинулся через зыбь. Где-то посередине Тимофей бросил взгляд влево, в сторону стадиона. Внизу чернело большое неровное пятно. Два дня назад там военные сжигали трупы. Боялись заразы и ходили как инопланетяне в ОЗК, поливая жуткую кучу соляжкой из канистр...

Тимофея всего передёрнуло, он сосредоточился на дороге.

На этот раз поездка прошла без приключений, согласно плану.

Дежурный по Мысу, молодой белобрысый капитан со странной фамилией – то ли Висслер, то ли Викслер, узнав, что Тимофей собрался на Правый, только покрутил пальцем у виска. Но в караулку на плотину звякнул (у них был кинут туда полевик), предупредил и своих на противоположном конце плотины.

– Фит! Ты это... Если проскочишь всё-таки и обратно соберёшься... На Врезке прихватишь для нас кое-что?

– Посмотрим. Я ещё не решил, поеду ли. Оглядеться нужно.

Рассказывали, что дней десять назад посреди бела дня снизу от Ангары на мыс поднялась какая-то большущая каменная жуть, типа треножника. Солдаты садили в неё со всех стволов минут десять, загнали на минное поле. А она там возьми да развалилась, заставив сдетонировать чуть не десяток мин. И сейчас правый фланг Мыса сильно оголился, да и с патронами наверняка напряг.

Тимофей чутко прислушивался к своим ощущениям. Инстинкт, интуиция, предчувствия... В предчувствия, впрочем, он не верил, но какая-то такая чертовщинка у него в голове имелаась. Способность отличать опасность «вообще» от реальной. Не раз уже спасала.

От ворот части до караулки на плотине – метров триста. Прислушиваясь через открытое окно, Тимофей вырулил на насыпь и слегка притопил, стараясь держаться подальше от бетонных плит дамбы, отбрасывающих неровные скачущие в такт небесным сполохам тени.

Через минуту он был на месте.

Охранник, гражданский из гэсовских, в расстёгнутом, жарком пока не по сезону белом тулупе и с карабином на плече, сдвинул воротину на колёсиках в сторону. Тимофей не стал въезжать на плотину, остановился, вышел из машины.

– Привет. Тихо?

– Нормально пока. Нешто поедешь? – мужик смотрел недоверчиво. В годах уже, седые усы, морщинки вокруг глаз...

– Думаю... Что посоветуешь?

Дед ответил не сразу:

– Щупалец этот пять раз появлялся. Сперва автобус скинул. Он туда его, вниз. Как шалбаном, через перила, даже не помял... Потом Зил военный. Зила он уже засосал, в море утянул. Потом пустили бэтор на ту сторону, и гад этот с ним вот не справился, чутка только поелозил туда-сюда, там покрытие – металл, скользко... А вот когда тот обратно с грузом шёл – забрал его. Запись есть, с камер. Он его как-то, знаешь... Как будто с одной стороны колёса-то подгрыз, бэтор накренился, и этот его как укатил туда к себе, понимаешь? Я так смеаю, что поднять-то он его бы и не поднял. Потому что он вроде как жидкий такой...

– А пятый?

– Так ваш был... Из перевозчиков. На серой такой длинной японке...

Тимофей понял о ком речь – Сизый, на «Скайлайне» гонял. Тёмный был парнишка, какой-то себе на уме, ни с кем почти не общался. Да он и не из таксистов скорее всего...

– Но, так понимаю, все случаи днём были?

Дед на секунду задумался.

– А ведь да. Прав ты. Все днём, близко к обеду.

– А сюда к караулкам эта тварь не наведывалась?

– Бог миловал. Я так думаю, что глыбь ему нужна. Тут – скала. На той стороне, опять же – мель, насыпь... Вот он по старому руслу и ходит.

– Спасибо, отец. Как звать-то тебя?

– Иванычем кличут. Олег Иваныч.

– Тимофей. – Они пожали друг другу руки. – Так говоришь – хренотень эта – ОН, не ОНА?

Иваныч озадаченно замолчал, потом хмыкнул:

– Я, конечно, к нему туда не заглядывал... Но гад – он и есть гад. Гадина – она хитростью берёт, а этот – будто балует, силушку выказывает, понимаешь...

Тимофей тихо рассмеялся. Он решительно не чувствовал опасности.

– Что ж. А поеду-ка...

– С богом! – Олег Иванович махнул рукой в большой меховой рукавице.

Пронесло. Тимофей без проблем доехал до Лёхиного района, однако оказалось, что в колодце большого двора слишком темно, а значит – опасно. В доме напротив света не было, судя по всему – давно, и пятиэтажка мёртво таращилась пустыми проёмами окон, а сверху сполохи небесной дискотеки почти не пробивались сквозь густой елово-сосновый полог. Когда строили Таёжный, по возможности не трогали деревья, оставляя тут и там клочки тайги в качестве скверов и парков. В Лёхином дворе тоже шумело ветвями полгектара строевого леса.

Пришлось выждать с четверть часа, понаблюдать. Наконец Тимофей решился, загнал хонду прямо на тротуар, дверью к освещённой лестнице подъезда, быстро поднялся (к счастью, домофон работал).

Встреча была душевная, но сумбурная и короткая. Нужно было торопиться, пока всё шло без запинок. Обнялись, наскоро обменялись новостями. Женя – пассажирка – оказалась серьёзной, изящной и даже симпатичной; лет тридцати. Спать ещё не ложились, поэтому собралась быстро, из шмоток – только дамская сумочка.

Спустились, Тимофей приоткрыл дверь, внимательно осмотрел двор через щель.

Не мешкая прыгнули в машину: он за руль, Женя – на второй ряд; задним ходом до конца дома, разворот и скорей на проспект – местами освещённый, относительно безопасный. Проезд мимо Администрации был перегорожен бетонными блоками и соваться туда не хотелось: охрана и пристрелить могла невзначай, поэтому Тимофей сразу рванул по встречке, той же дорогой, что и приехал.

«Хорошо ещё – ночь. Никого... А то встрять в местные разборки только не хватало...»

К блокпосту Врезки они подкатили уже через пять минут.

Врезка – застава на правом конце ГЭС – была раза в два крупнее, чем Мыс. Здесь расположились основные армейские силы. Вообще удивительно, что в заштатном городишке в сибирской глухомани оказалась воинская часть. Ракетчики, ПВО. Во времена холодной войны такие части стояли вблизи всех стратегических объектов: электростанций, крупных заводов. К концу девяностых их несколько раз порывались разогнать, но вот как-то дотянули... Сама часть располагалась довольно далеко в тайге, но когда началась вся эта катавасия, их частично перекинули в город.

Синего Фита ждали, несмотря на позднее время: обещал быть. Девушке пришлось пересест вперёд, а салон солдатики загрузили какими-то опечатанными ящиками. Машинка заметно присела.

Пока шла погрузка, Тимофей прогулялся, глядя через колючую проволоку на тёмную неподвижную воду и отражающиеся в ней «фейерверки». Вроде всё было по-прежнему спокойно, но... Что-то его беспокоило. Озираясь и потирая виски, он постоял ещё несколько минут, вдыхая особенный, свежий морской воздух. Наконец сообразил: Женя. От неё веяло страхом.

Машину загрузили, старший – майор – пожал руку, пожелал удачи.

Перед самой плотиной Тимофей остановил машину, заглушил двигатель, повернулся к пассажирке.

Утомлённое осунувшееся лицо, светлые длинные прямые волосы, упрямо спадающие на глаза. Руки нервно стискивают ремешок сумочки. Она рвалась к детям и при этом ужасно боялась. Боялась неведомой опасности, боялась не увидеть больше своих ребятишек... Это было плохо. Твари чувствовали сильные человеческие эмоции, особенно – страх, и словно шли на них...

– Женя... – он взял её руку, накрыл другой рукой. – Не надо бояться. Я обещаю вам, что всё будет нормально. Я – лучший в своём деле. Я чувствую, когда опасно, а когда нет. В данный момент конкретно нам ничего не угрожает, понимаете? Мы сейчас спокойно доедем до

Левого, и вы увидите, наконец, своих детишек. С ними – тоже всё в порядке, вы же узнавали! Верьте мне, хорошо?

– Да, н-но... Чудовище... А если нас... Как они потом...

– Чщ-чщ-чщ... Во-первых, это не чудовище. Это просто большая водяная... непонятная хреновина, которая, может, сама нас боится. Во-вторых, сейчас она или спит, или прячется. Её видели только днём, ночью она никогда не показывается.

– Да?

– Истинная правда! Какой смысл мне врать, если я с вами в одной машине? Тем более, что за вами же я приехал? Ну? – Он почувствовал, как она слегка расслабилась. – Вот и славненько. Не бойтесь, просто смотрите по сторонам. Как на экскурсии. Доводилось хоть когда-нибудь ночью по ГЭС кататься? Да под северное сияние...

Он завёл двигатель и потихоньку тронулся. Налево, в море, он старался не смотреть.

Мандраж, задвинутый глубоко-глубоко, конечно оставался, но в целом, Тимофей ощущал себя в норме. Газку бы поддать! Но проезд по плотине как нарочно был вихлястым и неровным. То какие-то контейнеры посреди дороги, то заснеженные рельсы, скользкие и тряские, то металлические громыхающие листы... В самом конце перед выездом на участок водосбросов зад слегка занесло на кривулине, но обошлось; бетонный столб скользнул буквально в пяти сантиметрах.

– Встречай, Олег Иванович!

– Красавец, ей-богу! – тот улыбался, как на свадьбе. – И барышню себе ещё ухватил...

– Да не хватал я её ещё, чего ты прям! Держи, с Врезки передали... – он отдал Иванычу объёмистый пакет с консервами, булкой хлеба и парой пластиковых бутылок.

Подспудный многотонный груз с души свалился, внизу – знакомый Левый, где даже зыбь родная! Тимофей с удовольствием бы побалагурил ещё, однако же – ночь, как ни крути. А ну как цветомузыку выключат раньше времени...

Пока свободная караульная смена разгружала машину, к нему подошёл дежурный.

– Фит, такое дело... Однако, застрял ты у нас немного. Пойдём, глянешь.

Тимофей напрягся было, но выяснилось, что всё не так уж страшно. Пока он мотался на Правый, дорогу перед воротами части перепахала какая-то змеюка. Тварь выбралась из моря, перемахнула дамбу и скрылась внизу, в каменистых осыпях, заросших молодым сосняком.

Канавы с полметра глубиной, вокруг кучи гравия и земли, булыжники... Чтобы привести дорогу в порядок нужно было пару часов и – солнце.

Конечно, можно было бы и переночевать в части, но что-то гнало Тимофея домой.

– Капитан, слушай... Мне девочку сегодня край нужно доставить! Может, шестьдесят шестой мне дашь? А я за своей завтра заскочу.

Тот смотрел с большим сомнением.

– До утра никак не потерпит? Бойцы только спать легли.

– Дело срочное, сам понимаешь. Не зря же через ГЭС сунулся. Опять же – за вами должок, а? А с коллегой я договорюсь: у меня переночует. Накормлю по человечьи. Когда парни в горячей ванне в последний раз мылись? Завтра с ним и вернусь.

– Ты меня под трибунал подведёшь! – начал давать слабинку капитан.

– Так и я о том же – где он теперь, тот трибунал? А потом... Ну – сочтёмся же? Хорошие люди должны помогать друг другу! Я тебе ещё литров сорок бенза залью. А?

– Чёрт с тобой, и дерево уболтаешь... Кого поднимать-то?

– Тарасика давай, он шустрый.

Тимофей знал уже этого сержанта – маленький, шепотливый, с вечной улыбкой на лице. Пару недель тому назад пришлось из передраги выбираться вместе.

Напоследок он отогнал машину подальше от дороги за вагончики, закрыл, на всякий случай сложил зеркала, похлопал по тёплому курносому капоту.

Тарасик своё дело знал: через канаву перебрался как официант с разносом, покачал по булыжникам...

Женя жила на Школьной, к счастью – наверху, где проезды были не искрошены Большой зыбью. Добирались обходными путями, через море, чтобы внизу не зацепить гаражные заросли; потом свернули на Нагорную и оттуда по склону, без всякой дороги – к домам. Дальше – по тротуару вдоль садика, снова вниз, прямо по лестнице...

Тимофей с завистью смотрел, как Тарасик лихо управляется со своим вездеходом. На «Фите» ему пришлось бы дать крюка в пару лишних километров...

Прибыв на место, Тимофей остановил рвущуюся к детям Женю, и, строго наказав ждать в кабине, отправился проверять дорогу.

Домофон был отключён, замок не заперт. Он осторожно потянул за ручку, прикрываясь дверью от неведомой опасности. Распахнув, придержал металлическое полотно ногой и взял ружьё наперевес. Прислушался. Потом резко шагнул вбок...

В подъезде стояла почти полная темень. Тьма – всегда опасность, а свой фонарик он, как назло, забыл в бардачке «Фита»... В ту же секунду лестницу залил ослепительный свет фары-искателя – сообразительный Тарасик вовремя просёк ситуацию.

Внизу было чисто. Выше этажом через узкие окна на лестничные площадки пробивались разноцветные небесные сполохи, но Тимофею всё равно пришлось красться ступенька за ступенькой, с пальцами на спусковых крючках, обводя стволами тёмные углы.

Преодолев семь пролётов, он постучал в дверь. С улицы они видели свет в окнах, но это ещё ни о чём не говорило: лампы могли гореть и с прошлой недели... Никто долго не открывал, но, наконец, за дверью послышались шаркающие шаги.

– Кто там? – голос был женский, старческий.

– Здравствуйте. Мы Женю привезли. Она внизу, в машине. А у вас ничего нет посветить? На лестнице темновато...

– Женечку? Охти... Зараз, зараз!

Открыла старушка – совсем в годах, сухонькая, со строгим интеллигентным лицом.

– Свичка, ось...

Женя поднималась чуть не бегом, Тимофей еле поспевал. Пламя свечи металось, ему пришлось прикрывать его рукой, чтобы не гасло...

– Тётя Оксана! Как они? – Женя ещё даже не успела одолеть последние ступеньки. В голосе звенели страх и нетерпеливая надежда.

– Та добре, добре усе! Живи вси, здорови! Сплять...

Заходить Тимофей не стал; помахав Жене рукой, он вернулся к машине.

Потом мотнулись до стоянки на Иркутском шоссе, залили в бак пару канистр. Ползучая дымящаяся трясина, гуляющая между Нагорной и Кедровой, дважды оказывалась у них на пути, заставив кататься кругами, поэтому совсем уж быстро не вышло, но часам к трём они всё-таки оказались у Тимофея дома.

А наутро выпало сразу полметра снега, и стало ясно, что за хондой ехать уже бессмысленно. По крайней мере – до весны. Вряд ли кто-то будет чистить дороги этой зимой.

Глава 7. Проводник

Аэропорт

«Вот уж и ноябрь к концу... Хорошо хоть морозов таких нет, как в старые времена...»

Тимофей закончил утаптывать снег, осмотрелся. Вокруг молчаливой стеной стояла тайга. Низина, подлесок – густой, еловый, то что надо. Снега было пока не так много, но оно и к лучшему – дров быстрее наберут.

– Жерди нужны двухметровые. С десятков. Вот такой толщины, – он снял меховую рукавицу, показал пальцами. – Можно не шибко прямые, лишь бы не гнилые. Виктор Андреевич, это на вас. Возьмите топор и кого-нибудь в помощь. В ближней округе безопасно, но далеко, на всякий случай, не отходите...

– Нет, но зачем терять время? – снова воткнулся Филипп. – Отличная погода, никто не устал, не ранен... Ведь – рукой подать, даже по сугробам мы ещё засветло были бы на месте!

Тимофей медленно осмотрел его с ног до головы.

«Лет двадцать пять, зелёный совсем, но гонору! Говорят, он неплохо себя показал в конце октября, когда куроча по Нагорной шла. Девятерых из подъезда вывел... Силушки – пароход, вон и рюкзакище прёт самый тяжёлый. Но – из тех, что берут нахрапом. Бульдозер! Сколько таких полегло...»

– Мы не теряем время. Мы ждём правильного момента.

– А он ещё, типа, не наступил?

– Нет.

– А как мы узнаем, что он наступил? Сколько ждать? Час, два? Неделю?

– Я вам скажу. А сейчас делом займитесь. Дров нужно побольше, впереди ночь длинная...

– Но-о-очь!? Вы нас сутки тут держать собираетесь?

– Послушайте, мне заплатили за то, чтобы я безопасно вас провёл до места и обратно. Именно этим я занимаюсь. И в первую очередь – безопасно, а уже потом – до места. Вы полагаете, что лучше знаете, как это сделать? Сколько групп вы уже потеряли?

– Я не отрицаю вашего опыта! Вы человек известный! Но мы же должны понимать, что происходит? Нет? – он оглядывался на мужиков, ища поддержки.

– Нет.

– Как это?! Это что... Фит, подождите, вы не ответили!

Тимофей демонстративно отвернулся и пошёл к ближайшей ели: наломать сухих веточек на растопку.

Самое смешное заключалось в том, что Филипп был прав. Если бы Тимофей шёл один, то в аэропорту был бы уже часа через два. Но в этом вся проблема: их восьмеро!

Он давно убедился: чем больше народу, тем более непредсказуемо реагирует мир. А проводнику мало проблем с угадыванием ловушек, высматриванием тварей, так ещё приходится бегать за каждым неадекватом, который сам не знает чего в следующую секунду испугается и куда ломанётся...

Мужики притаранили жерди. Тщательно обстругав их, чтобы конденсат потом не капал с сучков, воткнули наклонно у края подготовленной площадки, связали с поперечиной и подпорками. Сверху накрыли полиэтиленом, слегка прижали лапником. Вышел отличный навес – отбойник. Под него – длинное бревно, чтобы сидеть. Можно было заняться костром.

– Но если мы планируем здесь ночевать, то где-то спать нужно будет! А тут места под навесом... – снова возник Филипп.

«Вот заноза!»

– Спать мы не будем. А будем сидеть и чаёк попивать. До утра.

Самый действенный способ хоть как-то нейтрализовать людей – утомить. Чтобы шагали потом послушно на автомате и не рыпались. Для этого он и нервировал их нарочно, злил...

Пара ударов кресалом, занялся берестяной трут, и вот побежали язычки пламени. Вскоре весело затрещали сучья, потянулся дымок, пробуждающий давние детские воспоминания. Мужики сгрудились вокруг, вытягивая руки к огню.

Тимофей подвинул к костру ещё одно брёвнышко, уселся, потом сказал:

– В общем, смотрите: эта балочка – он обвёл рукой – абсолютно безопасна. Метров на пятьдесят, может... Однако бдительность никогда не помешает. Я натопчу тропку вокруг, и будем по ней прогуливаться по очереди. За неё заходить не советую. Объясняю почему нельзя идти сейчас: в районе аэропорта – масса негативной энергии и соответственная обстановка. Днём терпимо, но мы попадём на место поздно вато и легко можем проковыряться до темноты. И тогда – аллес, там и останемся. Далее: спать нельзя потому что... В общем – нельзя. Во время сна человек излучает альфа-ритмы, входя в резонанс с окружающей локацией, а нам это сейчас совсем ни к чему. Как-то так. Сейчас перекусить сварим горяченького... А, и последнее: если кто заметит что-нибудь подозрительное – панику не поднимаете, просто зовёте меня, ясно?

– Даже если белое марево или куроча?

– Куроча здесь в принципе невозможна, это лес. А если марево опустится, то какая разница... Всё равно всем тогда кирдык. Но, как я уже сказал, марева не будет, здесь безопасно. Кстати, рекомендую засветло по нужде сбегать.

– А ночью что?

– А ночью появится вероятность угодить в чужое дерьмо. Фил, не усложняйте и не нервнируйте людей. Повторяю ещё раз: конкретно здесь вам ничего не грозит. Разве что психованный проводник с ружьём.

– Какой ещё проводник?

– Я. Шутка такая.

«Уф! Отболтался. Что за бредятина! Негативная энергия! Резонанс... Но – кажется, проглотили. Успокоятся, поверят, что это место действительно безопасное (на обратном пути это будет важно), за ночь – утомятся. К утру все будут заторможенные, если что и спровоцируют – проще разобраться будет. А с Филиппом, кажется, проясняется – парнишка боится темноты. Надо с ним ещё потолковать...»

Долгая ночь прошла спокойно. Вдалеке что-то скрипело пару раз, к счастью, недолго, не успели испугаться... Примораживало. К концу зимы в Сибири такая погода мнится чуть ли не жарой, но в ноябре когда за двадцать – становится зябковато. Спасал костёр и правильная одежда. Сидели, пили крепкий чай вприкуску с рафинадом и душистым чёрным Уханским хлебом, вспоминали прошлую жизнь. Прошло каких-то три месяца, а словно – десять лет...

После лёгкого завтрака Виктор Андреевич отозвал Фита в сторонку. Тому он с самого начала показался хорошим мужиком: головастый, вдумчивый. Иногда излишне эмоциональный, но отходчивый, лёгкий. Без камней за пазухой.

– Уважаемый, мне один вопрос покою не даёт. Ночь уже прошла, поделитесь всё-же тайной: почему мы не спали? Ну, ведь, – Виктор Андреевич склонился ближе, – бред про резонанс альфа-ритмов, это же для детсадовцев!

Тимофей ухмыльнулся:

– Но сработало же! Понимаете... – он помолчал, оформляя мысль. – Вот если я вам скажу не думать про лимон? Жёлтый такой, сочный, пахучий... Не думайте!

Виктор Андреевич сглотнул.

– С коньячком бы...

– То-то и оно. Многие слова вызывают слишком яркие образы и ненужные ассоциации. И их трудно выкинуть из головы. А мне нужно, чтобы вы как можно меньше думали про всякую хрень. Думайте про альфа-ритмы, это ни к чему не обязывает. А бессонная ночь здорово тому способствует...

Собрались быстро, осмотрелись, построились. Только-только начало светать, чёрное небо приобрело сине-серый оттенок. Начало дня обещало быть ясным.

– Возьмём левее, где-то здесь должна быть просека. Когда-то мы за грибами сюда ходили...

Заскрипел снег, захрустели палые ветки.

Минут через двадцать впереди показалась прогалина: действительно, просека. От ЛЭП теперь мало что осталось, тянули её много лет назад, ещё когда аэропорт был маленький и деревянный, позже проложили другую линию: основательную, на металлических опорах, а эта год за годом потихоньку зарастала осиной и шиповником.

Фит поднял растопыренную ладонь, сжал в кулак. Знак: замереть и слушать.

Он начал священнодействовать: сначала долго смотрел на стрелку компаса: не начнёт ли дёргаться. Нет, указывает ровно на север. Потом опустил на колени и щекой стал касаться тонких ветвей молодых берёзок: если бы мимо проходила напруга, на ветках остался бы небольшой заряд, который можно было бы почувствовать. Как и ожидалось: чисто. Но лучше перебдеть, чем недобдеть, как говорится. Он порылся в кармане рюкзака, достал две гайки с серпантинном – специальные, для всякой электрической фигни. Швырнул в одну сторону, в другую: далеко, насколько хватало сил... Тихо.

Когда город стал превращаться в чёртов карнавал, «Пикник на обочине» не мог не прийти в голову! Первое время даже мальчишки играли в сталкеров и бегали по улицам с этими гайками... Толку от них было, как правило, немного. Город был куда хитрее «Зоны» из повести Стругацких: когда он готовил новую ловушку, он делал это мастерски: гайки тут вряд ли могли помочь. Книжная Зона – просто свалка опасных и загадочных вещей и существ, а Город... Он умён. Он внимательно следит за тобой, читает твои мысли и страхи. Ждёт, когда ты позволишь себя убить и сам подскажешь, как это лучше сделать...

Но в некоторых случаях гайки всё-таки были полезны. Взять ту же напругу – странное электрическое создание, что-то вроде червеобразного сгустка электромагнитного поля с потенциалом в несколько сот тысяч вольт. Столкнуться с ней – всё равно, что попасть под оборвавшийся провод ЛЭП-500! Но визуально обнаружить невидимую заразу почти нереально, да и простая гайка с тряпочкой вряд ли поможет, а вот серпантин на лавсановой основе в поле напруги моментально вспыхивает, оставляя заметный след...

– Пошли, – негромко скомандовал он.

По просеке идти было не в пример проще. Тимофей почти уверился, что никакие неприятности их пока не ждут, но продолжал на всякий случай (и чтобы произвести впечатление) кидать гайку, поднимая её и швыряя дальше. Теоретически поблизости ещё могли быть обычные волки, но те звери умные и к такой большой группе не сунутся. Ну а разнообразные мутанты и неведомые твари вряд ли добрались бы сюда – слишком далеко от Города.

На место вышли к обеду. О приближении стало известно загодя: небо затянуло серой мутью, опускающейся всё ниже, ещё похолодало, психическое давление усилилось, лица у всех помрачнели. В ушах негромко, но противно засвистело: предвестник зуды. Такой тонкий мерзкий свист, который раздаётся прямо в голове, и от которого не спастись, даже заткнув уши... Остановились на краю леса. Впереди расстилалось большое поле, а за ним в просвете между деревьями виделись руины аэропорта.

Разруха там началась задолго до Сдвига, несколько лет назад, когда аэропорт был заброшен. Здания как-то очень быстро обветшали и развалились, Дома не живут без людей! Они умирают, понимая, что никому больше не нужны...

Виктор Андреевич и Фит устроили совещание: как действовать дальше. В развалинах делать было нечего, оттуда всё сколько-нибудь полезное, вплоть до бетонных плит-перекрытий было вывезено уже давно. Но у восточного конца полосы ютилась пара вагончиков, поставленных лесной охраной, чьи кукурузники время от времени всё-таки летали в последние годы. Куда подевались самолёты, никто не знал, но где-то поблизости ещё должна была стоять цистерна с керосином.

Развернув карту, обсудили маршрут. Первым порывом было – просто идти по дороге. Тимофей, однако, сразу наложил вето.

Виктор Андреевич непонимающе спросил:

– Но, Фит! Разве опасность не везде одинакова? Сэкономим время, силы...

– Настоящие герои всегда идут в обход! А если серьёзно, то, – он оглянулся на мужиков, дежуривших в отдалении, и понизил голос, – я вам поведаю важный секрет: в аэропорту ещё месяц назад, возможно, вообще не было никаких опасностей. Они начали появляться только после того, как у кого-то возникла мысль туда наведаться. Город – читает наши мысли и реагирует таким вот образом. Вас восемь человек, и каждый сложил в голове какое-то представление о том, как пробраться к этой бочке. А Город, я вас уверяю, учёл это, придумал, как нас встретить и сейчас, ухмыляясь, ждёт. Поэтому самый безопасный путь – тот, который никому и в голову не мог прийти. Понимаете?

– Но, получается, он отреагирует на любую нашу задумку?

– Да. Но видите ли... Вы не замечали, что он не всегда отвечает негативом? У нас на «Четыре-восемь» до сих пор есть горячая вода! Думаете – по чистой случайности? Вряд ли. Как-то оно связано с нами... А шуглики? Сколько людей завернуло бы ласты с голода, если бы вовремя не появились эти тварёныши? Поэтому мы с вами попытаемся принять правильное решение. И сделаем всё, чтобы о нём не узнали такие неуравновешенные ребята как Филипп. Это может быть нечестно выглядит, но в конечном итоге... Понимаете?

Решили обойти аэродром справа, мимо фермы. Поле, две лесополосы, а там... видно будет.

Оказалось, что фермерская усадьба лежит в руинах.

Зыбь. В городе было несколько участков, где поверхность земли вспучивалась и ходила волнами. На Школьной эта качка продолжалась почти месяц, прежде чем в конце концов успокоилось. Но там дома на сваях, вбитых глубоко в землю, и колыхания асфальта мало на них сказывались, фермерский же особнячок превратился просто в груды кирпича, вздымающиеся и опадающие в такт дыханию земли.

Большое бесснежное пятно зыби лежало прямо на пути. Обходить – лишних полкилометра... А напрямую – двести шагов.

– Идти быстро, след в след. Не останавливаться!

Тим первый шагнул на «живую» землю. По ней вполне можно было передвигаться, главное не тормозить.

Сначала он шёл по прямой, но от разрушенных зданий решил взять подальше: что-то там неприятно поблёскивало и внушало беспокойство.

Передние были уже за пятном, у самого леса, когда сзади раздался крик, а вслед за ним – автоматная очередь. Обернувшись, он увидел, как Алекс, шедший замыкающим, опустился на колено, чтобы не уйти в землю, и лупит короткими очередями куда-то в поле.

По замёрзшей гуляющей туда-сюда пашне то показываясь на поверхности земли, то снова погружаясь, словно дельфины по волнам, приближались шесть или семь довольно крупных созданий с пятнистыми бело-коричневыми спинами.

Существа двигались стремительно, а качающаяся опора явно не способствовала меткости, Алекс безбожно мазал.

Интуиция говорила Тимофею, что твари, безусловно, опасные, но лично для себя он почему-то угрозы не ощущал.

«Что-то не так... Зыбь!»

– Алекс, бегом сюда! Все быстро с зыби!

Он прицелился, но не стрелял пока, проводя мушкой неведомого зверя. Далековато; выстрел был только один: понадеявшись на калашники мужиков, он зарядил верхний ствол дробью на шуглика. Эту же ныряющую тварь толщиной в хорошее бревно мелкая дробь только разозлила бы. Да и своих можно было зацепить.

Алекс не сразу расслышал крики, и когда бросился бежать, казалось, было уже поздно. Сапоги вязли, мешали автомат с рюкзаком: не до спринта.

Тим махнул рукой мужикам: дальше, дальше! Снова прицелился, и когда бурая спина показалась уже у самых ног Алекса – выстрелил.

Удачно! Тварь словно утонула в земле. Это дало полторы спасительные секунды. Алекс вылетел на берег. Одно из созданий в пылу погони вынырнуло из зыби и прыгнуло вслед. Тимофей успел рассмотреть зверюгу: что-то вроде толстой щуки без плавников. Выбора не оставалось, он пальнул со второго ствола.

Вряд ли то, что последовало затем, было вызвано этим выстрелом; дробь могла только чуть притормозить этот снаряд... До Алекса чудовище не долетело, упало на землю и рвануло! Полыхнуло так, что вспышку, наверное, видно было и за километр. Раздался оглушительный грохот, взметнулась земля, камни...

Тимофей зажмурился, инстинктивно загоразживаясь ладонями. Если бы была хоть одна лишняя секунда, он бы подумал, что всё, конец. Когда в десяти метрах от тебя взрывается мощный фугас, продолжение обычно не следует...

Очухались минут через пять. Алекс был жив, только контужен: из левого уха текла кровь. Вообще-то это было странно. Взрыв был как от танкового выстрела, а Алекс находился от него в каком-то метре. Да и Тимофею должно было не поздоровиться... Однако оказалось, что он и вовсе невредим.

Первым делом он попытался высмотреть оставшихся тварей, однако тех и след простыл. Он подбежал к Алексу, закинул мешающуюся двустволку за спину, помог подняться. Остальные сгруппировались чуть поодаль на взгорочке. На их лицах застыло непонимание и изумление.

– Как вы это сделали?

– Что именно? – Тим совершенно не помнил, что произошло после вспышки.

– Взрыв... – Виктор Андреевич неопределённо помахал рукой. – Вы его... Погасили, что ли?

– Я-то при чём тут? Аномалия, мало ли...

Виктор Андреевич покачал головой, но промолчал. Видимо, решил, что Фит снова чего-то темнит. Что случилось на самом деле, никто так и не понял. На обратной дороге, однако, когда они вновь остановились в знакомой уже ложбинке, мужики рассказали, как всё выглядело со стороны...

Взрыв прогремел, как только тварь коснулась земли, и это был настоящий взрыв, как от бомбы, кто-то даже почувствовал, как его сбивает раскалённой волной, а вокруг свистят смертоносные осколки. Алекс вообще едва не растворился в той вспышке, но... внезапно в долю секунды всё словно отмоталось назад, тварь опять рванула, но на этот раз как-то не по-настоящему, что ли... Да ведь даже воронки не осталось!

А Виктор Андреевич утверждал, что когда шархнуло, Фит, стоявший чуть в стороне, отбросил ружьё, взмахнул руками и вдруг замерцал странно, словно голограмма... А потом уже – второй взрыв, и всё смешалось, так что и не разобрать что за чем. Слишком быстро всё произошло. Но как же тогда получилось, что выброшенное ружьё снова оказалось у Фита на

груди, на ремне? Сошлись на том, что всё это – происки инопланетян, или кто там всю эту кашу заварил.

На привале

Несколько дней похода, зыбь, неведомые твари, загадочные взрывы, а потом трёхчасовая мука с переливанием керосина в бочки и канистры под выворачивающий мозги наизнанку визг разошедшейся зуды... Приключения здорово сплотили команду, даже Филипп не казался теперь таким уж невыносимым. В эту ночь Фит разрешил ребятам немножко покемарить – по очереди, по двое. Сам он в походах никогда не спал, боялся: что-нибудь выйдет из-под контроля. Смешно, конечно, – что он может контролировать в этом безумном мире?

Костерок тихонько потрескивал меж двух сдвинутых брёвен, едва освещая стоянку. Послышался хруст веток под быстрыми шагами: из темноты показался Валентин, высокий худощавый дядька, дежуривший свою смену на тропинке-границе. Выглядел он встревоженно, но держался спокойно.

– Фит... Иди, глянь, фигня какая-то.

Тимофей успокоил вскочивших мужиков:

– Сидите, сидите! А то Филя разбудите, он всю тайгу на уши поставит. Я же говорю: здесь всё спокойно, с разными напастями утром разбираться будем...

Они прошли до круговой тропки. Тимофей на всякий случай снял с предохранителя свой ИЖ. Остановились, постояли, привыкая к темноте.

По позвоночнику пробежала колючая волна, словно слабый электрический разряд. Из под соснового выворотня бесшумно стелясь по земле, потянулось что-то чёрное.

Тимофей резко включил фонарь. Нечто, похожее на ветхое покрывало с прорехами и свисающими лохмотьями, с непостижимой быстротой снова метнулось в тень. Рассмотреть его толком было невозможно.

– Видел? – Валентин возбуждённо вскинулся.

– Что-то новенькое. Света боится, – задумчиво протянул Фит. Луч фонаря выхватывал стволы, скользил по заснеженному кустарнику. Тварь скрылась. – Ты «Туманность Андромеды» в детстве не читал? Какие-то, прям, ассоциации... – он попытался напярчь интуицию, но настоящей опасности не почувствовал. – Так, в общем... За тропу оно не пройдёт. Если начнёт как-то на расстоянии действовать или заманивать – не поддавайся, пугай фонариком. Ладно. Пойду мужиков успокою.

Он сосредоточился, представляя, что помимо натопанной тропинки их стоянку окружает высоченная стена из триплекса.

«Нет, не стена – купол. И не из триплекса, а из какой-нибудь стеклоброни в восемнадцать сантиметров толщиной, как на батискафах. И нет, не стеклянный, стекло может треснуть. А... типа силового поля непроницаемого! Да, поле! Чтобы только воздух пропускало. И чтобы ещё отпугивало! И под землёй...»

Он всё подробнее и детальнее представлял себе фантастическую непробиваемую защиту вокруг стоянки, гарантирующую спокойный ночлег. Нет, он не пытался материализовать её, нужно было просто укрепить собственную уверенность в полной безопасности. Он не очень понимал, как всё это работает, но по опыту знал – помогает.

– Что там?!

– Новая скотинка какая-то завелась. Типа покрывала ползучего, чёрного. Очень быстрая, света боится... Фонарь хорошо её отпугивает.

Все морально устали, особо напрягаться ни у кого просто не было сил, поэтому новость приняли достаточно индифферентно. У костра снова потянулся негромкий неспешный разговор.

– А мне вот показалось, – подал голос Алекс, – что там, в старом корпусе кто-то был. Люди вроде бы...

– Точно, – подхватил кто-то. – Из-за зуды не до того было, но лазили там, факт...
Странно: что там искать-то?

– Это не люди. Не настоящие люди.

Все удивлённо уставились на Фита.

– Фантомы. Они как бы... Видения, что ли. Когда аэропорт ещё работал, пассажиры ходили по всяким делам своим... И будто кто-то это всё заснял, а теперь крутит как кино объёмное. Даже объявления слышно было чуть-чуть. «У стойки два продолжается регистрация на рейс сто сорок четыре Таёжный – Москва»... И такое – «динь» специальное. У нас на стадионе на Юбилейном такая фигня несколько раз была – то футбол какой-то, то праздник спортивный старинный. Город предаётся воспоминаниям...

– Да... Чего только сейчас не увидишь!

– А знаете, что самое странное-то? – спросил Виктор Андреевич. – То что мы ведь почти привыкли к этому бреду. А ведь и трёх месяцев не прошло!

Фит согласно покивал головой, задумчиво глядя на синеватые язычки огня, бегающие по углям.

Вышли снова чуть свет и ещё почти семь часов тащили по проложенной накануне тропе бочки – громоздкие, неповоротливые, тяжёлые. Но всё сложилось удачно, и к наступлению темноты они успели добраться до окраин Бугра – пригорода, расположенного на склонах большой сопки между левобережной частью города и Уханом.

Почти весь Бугор выгорел ещё в первые недели после того, как мир глюкнул, но несколько верхних улиц местным удалось отстоять, и вот уже третий месяц они под предводительством Виктора Андреевича держали круговую оборону в своём маленьком анклав. Дважды на них нападали дикие зомби из-за Верхней речки, со стороны «деревяшек», а от телевышки – периодически наведывались разные странные сущности – то грозовики, то мелкие серые смерчки, то вывальни – что-то типа деревянных осьминогов... Керосин, главным образом, и нужен был для борьбы с этой нечистью: мужики собрали три самодельных огнемёта, для которых нужна была горючка.

Сразу отправляться домой уставшему Тимофею было не с руки. Это километров семь, а по Городу такой поход теперь мог встать и в пару суток. Поэтому, когда Виктор Андреевич пригласил переночевать к себе, смысла отказываться не было. Тем более, что тот насчёт баньки намекал.

Особняк был хозяйский: кирпичный двухэтажный, да ещё и с застеклённой мансардой. На фоне большинства стандартных приземистых брусковых домиков он выглядел почти дворцом. Раньше Виктор Андреевич был директором дорожного ремонтно-строительного участка в Перевальном, а после «сдвига» внезапно оказался безработным, поскольку Перевальный исчез вместе со всей остальной страной, миром, вселенной... Хорошо ещё, что в тот день он ночевал дома. А впрочем, совершенно неизвестно – хорошо ли.

Через час они, прихватив ещё Валентина, сидели на обжигающем полке, греясь и выгоняя токсины со шлаками, а ещё через час, после трёх заходов, утомлённые походом и разморённые берёзовым жаром, расположились за большим деревянным столом в шикарной комнате-предбаннике.

Стол по нынешним временам был богатый: квашенная капуста с мороженой брусникой, солёные огурчики и помидоры, рассыпчатая картошечка, котлеты не из шугликов, а из настоящей свинины, бутыл с первачом.

Засиделись далеко за полночь.

– Вот скажи мне, Фит! Ты ведь тёртый парень, проводник, наверняка понимаешь во всей этой хери поболее нас... За что это всё на нашу голову? – Язык Валентина быстро захмелел,

но глаза его смотрели совершенно трезво, яростно. – Это ведь не может быть божьим наказанием! Столько невинных загублено... Инопланетники? Но смысл, смыс-сл? Столько невинных! Инга... – он скрипнул зубами и шарахнул кулаком по столу. – Гады!

Тимофей долго молчал, потом махнул Виктору Андреевичу: наливай. Напиваться не хотелось, он вообще не особо любил это дело. Но сейчас – выпить нужно было. Он знал, что Валентин потерял жену с дочкой, причём совершенно немыслимым образом: однажды вечером легли спать и всё было нормально, а утром их просто не оказалось в постелях. Лишь примятые простыни...

Молча, не чокаясь, опрокинули по стопке.

– Я думаю, – наконец глухо проговорил Тимофей, – что всё происходит не просто так... Бог, не бог... Не знаю. Но многое получается вроде как – по заслугам. Валя, ты прости, я не имею в виду тебя, но... У нас там, на сороковых, с какого здания началось? С первой общаги. Ведь самый поганый дом был! Пьянь, наркоши, бичарня какая-то. Он и в прошлые-то времена выглядел как после войны... Окна повыхлестаны, двери не закрываются, грязь, вонь! Может, там среди этого скотства и нормальные люди тоже жили, но... Поплатились – все. Опять же – кого Город сожрал первыми? Нариков, жульё, полицию, учителей, врачей... С Администрацией – война... Что их всех объединяет? А ведь это те, кто сильнее всех доставал людей. Или не оправдывал ожиданий... Только Город особо не разбирается, чаще всего гребёт под одну гребёнку... Знаешь, как оно бывает: спроси тут у вас, к примеру, на Бугре – какого вы мнения о полиции. «Да все менты – козлы!» Но ведь хватало же там и нормальных ребят! Но по фигу, какому-нибудь дяде Пете, ему только пулемёт в руки дай! Вот и Город так же... Он впитывает нашу ненависть, наши страхи и машет саблей... Но и наши надежды, нашу уверенность он тоже иногда слышит! Редко, к сожалению. С врачами-учителями – вон как оно избирательно вышло! Климчук и раньше уважали, так и теперь на руках чуть не носят: ведь крутейший лекарь, факт. А началось всё... Мне иногда кажется, что нам всем однажды стало слишком наплевать друг на друга, на Город. Вот он и кинул нам ответку.

– Ну ты и толкнул! Так сразу и не разберёшься. Андреич, налей по последней, что-то уплываю я... Устал.

Выпили ещё по чуть-чуть, закусили хрустящей капусткой. Виктор Андреевич помотал головой:

– Знаешь... Что-то очень правильное ты сказал. Но. А дети? Как же дети? Помнишь, ту дискотеку сентябрьскую? Семьдесят пацанов, девчонок – молодых, полных сил, веселья... В пыль! А эпидемии эти жуткие! Ведь совсем крохи умирали, десятками... Господи! Ведь это же... Чёрт, я не могу! – он налил себе полстакана, забыв про остальных, залпом выпил.

Обычно он казался моложе своих пятидесяти пяти, но сейчас как-то резко постарел, обозначились морщины, прядь, прикрывающая лысину, засеребрилась сединой. Тимофей бес- сильно смотрел, как по его небритой сизой щеке катится одинокая слеза.

«Деток – да – жалко до слёз. Случившееся – не просто ужасно, это какое-то кошмарное адское зло, явившееся во всём своём изуверском обличье! Но... Мы как бы жалеем детей. А любили ли мы их? Не они ли – «наркоманы и бездельники» и «вертихвостки малолетние»? Переполюблила ли любовь родителя, вызванного в технарь воспитывать своего великовозрастного «дебила»? А уж сколько умиления пробуждал по ночам орущий где-то у соседей младенец...»

Вслух он ничего не сказал.

– Ладно Андреич. Пора спать. Тебе завтра рулить, мне – в поход...

Глава 8. Следуя зову

Тревожная весть

В начале декабря остатки интернета всё-таки накрылись. Что ж... К тому шло.

Иногда думалось, что всё, в принципе, нормально. Ну да, мир «сдвинулся», стал странным и опасным, но... Оказалось, что и в таком мире можно жить! Остались нормальные человеческие дела: кто-то что-то мастерил и ремонтировал, кто-то добывал еду или сражался с тварями, кто-то лечил людей. Даже дети рождались!

Однако новые твари становились всё более странными, аномалии – всё более безумными и смертоносными. В районе Малого Мыса кусок мира просто исчез. Фит был там: рельсы от старого бетонного завода, пески, скала – всё обрывалось в странное ничто. Он пытался рассмотреть в бинокль дно провала. Без толку. Пустота. Неба над разрывом пространства тоже не было. Только противоположная сторона метрах в трёхстах, как на ладони...

На Левом после нескольких нашествий курочи, превратившей полгорода в жутковатые пустыри, где среди гор мусора всё ещё ползали и кувыркались уцелевшие куски бетонных плит и панелей, заселённая область заметно сократилась – осталось несколько кварталов на «сороковых» с крепостью Четыре-восемь в центре, держался пока Бугор... Придумать большой бред, чем войну между районами, сейчас, когда и так каждый человек на счету, было невозможно! Но на Правом как-то умудрились. О, люди умеют найти повод для склоки!

Насколько Фит смог разобраться, читая ругань в форумах, враждовали группировки под управлением двух бывших депутатов гордумы и по совместительству – крупных местных бизнесменов. Мэра «сожрали» в первые же недели, потом развели вселенский холивар в сети, а вскоре бойня выплеснулась и в реал. Хорошо – Врезка оставалась нейтральной, вцепившись в свой плацдарм между плотиной и тем местом, где когда-то стоял храм...

Ближе к Новому году Фит получил тревожную весточку от Лены. К сожалению, ничего толком было не понять, сообщение прошло через пятые руки: кто-то с оказией передал на Врезку, оттуда звякнули на эту сторону, а с мысовскими Фит пересёкся случайно во время одной из заявок. «А, чуть не забыл! Тебя же с Правого спрашивали. Какая-то подруга просила передать, что с каким-то Лёшей что-то случилось...»

Он пытался прояснить ситуацию, даже специально потратил два дня, чтобы пробраться через смертельно опасные курочные поля на Мыс, но ничего так и не разузнал.

Дорога через ГЭС давно стала непроходимой: после того лихого ночного вояжа Фита военные ещё неделю по ночам гоняли туда-сюда бээмпэшку, но потом то ли солярка закончилась, то ли сломалась машинка... А вскоре произошла феерическая битва «трансформеров», когда два огромных жёлто-голубых козловых крана внезапно вспыхнули взаимной ненавистью и за несколько дней разнесли друг друга в хлам, превратив гребень плотины в завалы шевелящихся кромсающих всё вокруг обломков металлоконструкций, хлещущих распушённых ржавых тросов, ползучих искрящихся кабелей. Соваться туда и сразу было безумием, а потом в этом оазисе металлических джунглей во множестве расплодились напруги...

«Но нельзя же просто сидеть?!»

Через пару дней он заглянул в гости к Викторычу: навести справки о проводниках по Приречью.

Хозяин настрогал мороженой сохатины, поставил плошки с маканиной и уксусом, Фит тем временем капнул по рюмочкам.

– Прямо как буржуи! Строганина, водочка настоящая! Где добыл-то?
– Зверя?
– Водку, блин!
– Парнишки со Школьной в провал на горе лазили. Где тридцатый был, ага... Прикинь – пять рюкзаков добра вытащили. Я у них три пузыря выменял и масла растительного четыре литра. Целую четвертину лосиную отдал.

– Мясо – дело наживное. А вот масло – редкость!

– Ну да. К празднику, удачно.

Выпили, закусили тающими во рту солёно-перчёными лепестками тёмного, почти фиолетового мяса.

Разговор лился неспешно, Фит наслаждался покоем и полузабытым ощущением домашнего очага.

Через полчаса на кухню заглянула Александра:

– Дядя Фит! Проводишь меня на Школьную завтра?

– Не вопрос. Очки тёмные есть? Вокруг Креста сверкуны в последнее время что-то зачистили... Может, строганинки всё-таки, а?

– Да ну вас! Сидят, уже килограмм сырого мяса умяли, хоть бы хны. Туземцы!

– Поговори ещё! Что б понимала... – добродушно рыкнул Викторич. – Тоже мне, поколение Пепси... Тим, вот скажи мне: можно сахар на такую дурь переводить? Он и так на вес золота!

– Ничего ты, папка, не понимаешь. Мир спасёт красота, а не бражка! Люди всегда будут стремиться хорошо выглядеть!

– Не люди, а женщины... Вы ж, ёк-макарёк, инопланетяне!

– Эй, эй – вы о чём вообще? Какой сахар, какая красота? – Фит с недоумением переводил взгляд с Викторича на Саньку.

– Ты подумай: на дворе конец света, а эта подруга косметический салон замутила! Шугаринг-фигаринг, выпрямление волос...

– Ага. Шугаринг. Что-то про сахар. И это что?

– Так эта... Депиляция! Сиропом волосы склеивают и выдёргивают, откуда ни попадя!

– Эпиляция! И не сиропом, а пастой специальной!

Викторич только махнул рукой: хрен редьки не слаще. Саша показала язык и, мотнув веером светлых волос, удалилась.

Прерванный разговор продолжился:

– Тим, послушай. Я всё понимаю, дружба – дело святое. Но какие варианты? На Правый адекватных ходов – нет! Просто – нет! На реке – туманники. Удрать от них – нереально, даже на моторе. Бурундуки уханские – и те с лодок рыбалить перестали, а уж они-то... На море – до сих пор лёд толком встать не может, ломает его каждый божий день. И это не считая всякой белой нечисти, смерчиков, этих... дед-морозов. Остаётся плотина. Наверх соваться – ну это совсем без башки быть. Единственный вариант – попытаться понизу до машзала добраться. Но там альпинистская подготовка необходима, снаряга. Через лотки водосбросов как корячиться? Кошки какие-нибудь нужны... Да и там никаких ведь гарантий: снизу туманник не достанет, так напруга сверху свалится. Ещё хвосты эти железные свисают... Что о них известно? Шевелятся, светятся по ночам...

– Должен быть ход внутри плотины. Я с утра дошёл до библиотеки, полистал книжки. Конкретно по нашей станции чертежей не нашёл, но вообще внутри полагаются галереи по всей высоте плотины для дренажа и контроля протечек.

– Вот скажи мне: если снаружи такая засада, почему внутри должно быть проще? Гэсовские почему там не ходят? Если бы была тропка, так...

– Дружище. Да я ж всё понимаю не хуже тебя! Согласен, нет дороги. Но снаружи я хотя бы точно в этом уверен. А внутри – нужно убедиться. ГЭС же работает! В общем, ты меня не отговаривай, я два дня думал, решил. Наливай на посошок, да пойду спать. Поспрошаешь среди своих завтра, ага?

– Не поздно? Останешься, может?

– ... Пойду. Са-ань, слышишь? Завтра к одиннадцати чтобы была как штык!

Выйдя из подъезда, он внимательно осмотрелся. Уже почти стемнело, но идти было действительно недалеко: вдоль улицы метров двести, потом по лестнице вниз – и дома.

Он прошёл половину дороги, когда из подвального окошка ближней пятины выбралось и довольно шустро заковыляло к нему что-то серое, размером с кошку. Он мгновенно вскинул ружьё, через прорезь прицела присмотрелся.

Медвежонок. Детская игрушка, маленькая, лохматая, глазки – чёрные пуговицы. Раскинул лапки, топает на задних. Как будто обниматься идёт. Ближе, ближе...

– Кыш! Пшёл, говорю! – прошипел Тимофей.

Подпустив странное создание метров на пять, он нажал на спуск. Дробь два нуля буквально порвала тварь в клочья. Обрывки серой лохматой ткани и вату разбросало по снегу.

Он снова огляделся, прислушался. Переломил ружьё, заменил патрон. Вздыхнул. Ему не нравилось убивать таких тварей. Вообще не факт, что они чем-то опасны. Это не злобный мутно-волк, не зомби, не черепан... Всего лишь плюшевый мишка! Но пустой риск был непозволительной роскошью.

Рыбак

Всё-таки удалось договориться с Рыбаком – тоже проводником, который специализировался по Приречью и мог провести нижней дорогой до плотины.

Четыре месяца назад показалось бы дикостью спрашивать дорогу до ГЭС, до моста или на Лысую гору. Вот же всё – в пределах прямой видимости! Но сейчас пройти два-три километра в любую сторону от площади и остаться при этом в живых мог далеко не каждый...

Встретились возле Тимофеевой старой стоянки.

– Здорово. Наслышан. – Рыбак оказался чернявым худым дядькой в зелёном армейском бушлате старого образца, в солдатских же ватных штанах и в высоких трактористских сапогах-бахилах. – Готов? Рюкзачок-то у тебя нехилый...

Фит собирался основательно, килограмм пятнадцать верных в свой станкач закинул. У самого Рыбака на спине висела лишь полупустая солдатская котомка.

– Помешает?

– Посмотрим. Будет одно местечко нехорошее. Знаешь, где отвалы из тоннеля? Вот как подойдём туда, ты его скинь на всякий случай, в руке носи. Каркас – алюминиевый?

– Титановый. Из лыжных палок, Горыныч сварил.

– Богато. Но – про титан не знаю. А вот железо каменюки чувят. Ну, посмотрим. Так, что ещё... Носки запасные есть? Футболка какая... В целлофан запихай, и за пазуху. Есть вероятность, что купаться придётся, а придавливает сегодня знатно. Не смотрел градусы?

– Да вроде не особо, что-то в районе тридцати двух.

– Там влажно и низина. Будет зябко. Ветер бы ещё не поднялся... Ну, в путь. По дороге не пойдём. До поворота сегодня вообще-то безопасно, но вот дальше, возле Севера, какая-то засада новая, не разобрался ещё. На всякий случай крюк до Разрыва сделаем, потом – к берегу и там, по свалкам двинем.

– Я туда месяца полтора назад ходил – бетонники одолели, еле ноги унёс. Через пески.

– А, да, песочек они любят. Но сейчас холодно, они тормозные, не так страшно.

Пройдя вдоль Разрыва почти до самого берега, они залегли у старой железной дороги, что шла от сгоревшего бетонного завода.

Фит помнил, как он горел. Это произошло давным-давно, то ли в конце семидесятых, то ли в начале восьмидесятых. Как-то вечером он заглянул в спальню родителей и увидел в окне огромное огненное зарево, а под ним – море синих мигающих огней от десятков пожарных машин. К утру от самого высокого здания в городе осталась лишь пара закопчённых этажей.

Его всегда удивляло: что там могло гореть с такой страшной силой? Шифер на металлическом каркасе, на этажах – цемент, бетон, мешалки, механизмы... От дома до завода было не меньше полукилометра, но огонь был столь силён, что в комнате при желании можно было читать!

Сейчас ему, лежащему носом в снег, почему-то казалось, что с того пожара и началось всё это светопреставление.

«Неизвестно, может ли это воспоминание как-то спровоцировать Город. Лучшие – убрать!»

Он мысленно мотнул головой, и мысли ушли, растворились. Осталось лишь пустое открытое сознание, вбирающее в себя вибрации окружающего мира: запахи, звуки, образы... Умение избавляться от ненужных мыслей по мнению Фита было самым ценным приобретением по нынешним временам. А когда идёшь за проводником, оно ещё важнее, ибо тот чётко представляет, что и когда следует думать, а ты ненужной мыслью можешь полностью всё испортить и навлечь беду на обоих.

Бесконечное ожидание... Если проводник говорит лежать, значит нужно лежать. Рыбак неделями, месяцами оттачивал чутьё, умение видеть знаки, следы, предвестники... Причём именно в этих местах. Кажется – вон она Кедровая, Стадион, Площадь, рукой подать. Но здесь – Приречье, – и уже совсем другая страна. Незнакомая, а следовательно опасная втройне.

– Ждём ветерка. Нам по сугробам до обрыва метров триста. Как подует – смотри внимательно, здесь встречаются «тягуны» и «морозильники» – аномалии, по позёмке их видно, она как бы «приседает». Ну а снежники и по городу ходят, сам знаешь, что с ними делать.

Ветра не было, как назло. Фит снаряжился как подобает: унты, тёплая куртка с меховым воротником и капюшоном. Лежать в снегу можно было и полдня. Но тогда они проваландаются до сумерек, а этого очень не хотелось. Всё же у ГЭС желательнее было оказаться засветло.

Наконец слегка замело. Рыбак осмотрелся, махнул рукой:

– Вроде чисто. Пойдём.

Идти, утопая по пояс в снегу, – непростая задача, а когда нужно обходить стороной всякие сомнительные места и каждым шагом ощупывать что там под ногой...

Было время, когда Тимофей с приятелем Андрюхой увлекались этим странным занятием: ходьбой по снежной целине. Каждую зиму, если морозы позволяли, разок в неделю выбирались куда-нибудь за город в местечко поинтересней и – по сугробам километр-другой! Продираешься, жарко, клубы пара изо рта, а вокруг красота – феерическая, солнце слепит, отражаясь в миллионах снежных пылинок... Да и зарядочка – та ещё! Даже название придумали умное – «страйдинг». Жаль, заглохло как-то увлечение...

– Снежник, справа!

Взгляд метнулся в сторону: точно, небольшая кучка шевелится, стягивает снежок. Он осмотрелся по сторонам – других вроде не видно. Снял рукавицу, достал камушек из кармана, в котором лежала специальная горсть щебня.

– Маленький, грохнем?

– Давай.

Фит отступил на два шага назад – чтобы падать на уже проверенную поверхность, прицелился, метнул камень и рухнул ничком, укрывая лицо и руки в снегу.

Куча на секунду замерла, потом налилась синим и рванула! Снежный столб с характерным «пф-ф-ф» взлетел метров на десять, а во все стороны волной ударило кольцо обжигающе-ледяного воздуха вперемешку с мелкими секущими льдинками и снежной крупой.

Теперь нужно было немного подождать, пока выровняется температура: даже маленькие, бывало, промораживали до минус шестидесяти...

Самого первого-то снежника – проворонили. Тогда, в ноябре, никто просто не знал, во что это может вылиться! Он вырос до размеров трёхэтажного дома, а когда рванул – выморозил весь воздух в радиусе ста метров, и жидкий азот ручьями стекал по Музыкальной вниз, клубясь и шипя...

Через час они уже осторожно пробирались по проторённой тропке под обрывом вдоль самого берега, временами останавливаясь, внимательно осматриваясь, вслушиваясь в морозную хрустящую тишину.

– Ты натоптал?

– Кому ж ещё? У меня тут перемёты стоят между островков. А вообще здесь почти спокойно.

– Надо думать... Народ-то не ходит сюда.

– Тоже заметил? Чем дальше от людей, тем стабильнее. Это факт. Знаешь, у меня есть теория насчёт Разрыва.

– ?

– Это место, которое... В общем, никто не представляет, как оно раньше выглядело. Сечёшь? Последний чел, который точно знал, что там было – умер. И всё!

– Фига ты загнул! Надо обдумать на досуге. Что-то есть в этом, но... А что помнить-то? Я, к примеру, помню, как вдоль всего берега, – Фит махнул рукой в сторону Малого мыса, – катера стояли, гаражи лодочные, машины... Сотнями! Народа полно, пацаны шныряют, на заводах – народ загорает... А здесь вот где-то лягушатник был, мы купаться бегали. В Ангаре вода ледяная, а в лягушатнике – лафа! Моря-то не было ещё. Так давным-давно уже ничего этого нет! Пустырь...

– Я ж о том и говорю! Ты помнишь, как было, знаешь что сейчас. Я помню, деды какие... Здесь, кстати, наверху улица Мысовая, ещё шесть домов жилых.

– Да ты что! Не знал. Чем живут?

– С огородами же все. Зимую, думаю, протянут. Шуглики набегают порой, я рыбку подкидываю. У них с дровами проблема. С гаражных зарослей таскают понемногу, но там – сам знаешь...

– Ясно. Но насчёт Разрыва... А как же тайга? Она ж стоит, вряд ли её всю народ исходил и помнит...

– Тайга – другое. Город – рукотворный. А тайга вроде как живая, сама о себе заботится. Ну да, ну да, звучит бредово. Но как-то так мне представляется.

– Хм. Надо нам как-нибудь посидеть по-человечьи, поболтать. Ты на Четыре-восемь заглядывай, гостем будешь. Ну что, рюкзачок – долой, к отвалам подходим?

Чуть выше уровня реки в толще Большого мыса и дальше – до Лысой горы был пробит километровый дренажный тоннель. По замыслу строителей в него должны были собираться грунтовые воды, просачивающиеся сквозь гору и плотину из водохранилища. Вода шла, но без энтузиазма – по дну широкого коридора бежал ручей глубиной хорошо если по щиколотку. Зимой ручей образовывал мощные наледи, прятался под ними и там, невидимый, стекал в реку.

Горы породы, вывезенной из тоннеля, были свалены в Ангару, образовав целый полуостров, гектара на полтора. За много лет насыпь укрыли непролазные заросли молодых сосенок, и сейчас нужно было их как-то обойти.

– Да... Вдоль воды – опасно, круча, камни обледеневшие, да и в реку слишком далеко влезает. Туманники могут учуять. А справа – каменюки.

– Ты бы поподробнее рассказал? Что за напасть ещё?

– От скалы отпочковываются хреновины. И бродят вокруг. Я почти уверен, что эти твари на железо идут, хотя... По крайней мере – всё время пытаются на гору вскарабкаться, к опорам лэповским. Наверху, на Мысу, постоянно из-за этого проблемы. Они, так-то, неагрессивные. Но они не стабильны и через некоторое время разваливаются. Представляешь – скала пятнадцатиметровая рушится? Одна тут до домов умудрилась доковылять, шестиногая была, крепкая. Всё равно – упала в конце концов. У мужика огород, баньку, теплицу – всё похоронила, там теперь завалы каменные сплошь, метра в три. Хорошо, хоть дом уцелел. Ладно, давай наверх вылезем, посмотрим. Может – пронесёт. Имей в виду: они вроде неповоротливые, но шаги-то по десять метров... Если пойдёт в нашу сторону – бросай рюкзак, и – драпаем к воде со всех ног. Воды они боятся.

Вскарабкавшись на насыпь, они залегли осмотреться.

Фит ощутил неприятное давящее напряжение.

– Впереди-слева недалеко...

Рыбак глянул в маленький бинокль. Кивнул.

– Тягун. Снег спрессовал, аж яма... С виду не очень мощный. А вот и каменюка.

Фит перевёл взгляд на возвышающуюся справа громаду Большого мыса, но ничего необычного не заметил.

Склон – крутой, понизу и справа густо заросший лесом и засыпанный снегом, выше – обнажённый скальный остов. Могучая гора, сдерживающая огромный напор миллиардов кубов воды меж двух плотин, высилась суровым гигантом, свысока поглядывая на приютившийся

внизу Левый, на ГЭС, на белую неровную гладь моря. Мыс выглядел здесь полновластным хозяином.

Фит внимательно рассматривал нависающие двухсотметровые скальные обрывы.

– Не вижу.

– Ниже, у леса, за тоннелем сразу...

Он увидел. Покрытый снегом кусок склона высотой с трёхэтажный дом медленно-медленно сползал к старой, укрытой сугробами дороге, проходящей понизу. Место там было узкое: между скалой и обрывом в Ангару – метров тридцать.

– Ничего себе... Так там же вплотную к нему идти придётся! Долго он?..

– Подождём. Бывает, что полчаса-час отрывается. Гора его держит вроде как, да лес ещё. А потом видно будет. Если по дороге в обход Мыса пойдёт – хорошо. Дождёмся, как мимо протопаёт, и – рванём. А если к плотине направится – плохо. Придётся ждать, пока развалится. Самые стойкие часов по семнадцать держались.

– Ч-чёрт! Долго. Может – успеем проскочить?

– Опасно. Здесь проскочим – а дальше? Там ещё семьсот метров под скалой! На поляне – знаешь, где пожарная часть раньше была? – часто пасутся. Зажмут с двух сторон – по-любому купаться придётся, а очень уж не хочется.

Фит угрюмо задумался. Какие-то сотни метров! Плотина загораживала уже полнеба – совсем рядом! Но невидимое отсюда солнце уже наверняка висело над самыми сопками, ещё час-полтора и – сумерки. Может, был смысл в том, чтобы вернуться на Мысовую, там переночевать? Он принял решение.

– Слушай, дружище. Будем считать, что твой контракт закрыт, держи, – он достал из внутреннего кармана куртки деньги. – Вторая половина. Чуйка говорит мне, что нужно потопрапливаться. Но тебе туда лезть никакого резона нет. Мысовая рядом... Ну, ты здесь лучше меня разберёшься.

Рыбак крикнул, спрятал деньги, посмотрел Фиту в глаза.

– Не будь ты сам проводник, я бы призвал тебя не глупить. Но... – он махнул рукой. – Уверен?

– Этого – проскочу, потом спущусь к самой воде... За час, думаю, должен добраться при любом раскладе. Успею ещё осмотреться, пока светло.

– Ну, удачи!

– Аналогично.

Крепко пожав Рыбаку руку, Фит резко повернулся и направился прямо к формирующемуся каменному монстру. Нужно было действовать, покуда страх и осторожность не развеяли решимость.

«Тягун слева вроде сдвинулся, не? Или, может, вырос... Надо бы держаться от него подальше. Чёрт! А каменюка-то какая огромная!»

Великан всё меньше походил на простой оползень и приобретал очертания странного слоисто-каменного столба на четырёх кряжистых ногах и с островерхой снежной шапкой.

Фит отчаянно продирался сквозь сугробы, не забывая посматривать по сторонам: каменюки каменюками, но... Он вовремя заметил маленького снежника прямо по пути; пришлось сделать ещё крюк метров в двадцать.

С сухим треском одна из каменных лап согнулась и топнула по склону. С «головы» чудища посыпался снег, мёрзлые комья земли, мелкие булыжники. Верхняя часть монстра ещё была частью горы, но нижние опоры, каждая в пару-тройку метров толщиной уже скрипели и рвались шагать.

Спасительный спуск к реке был совсем рядом, когда тварь наконец «родилась». С глухим резким звуком что-то лопнуло, великан выпрямился во весь свой пятиэтажный рост и покач-

нувшись шагнул, круша молодую сосновую поросль, соскальзывая по склону к дороге. Он был совсем рядом – метрах в тридцати.

«Если оно споткнётся и рухнет, тут мне и каюк. Были бы деревья побольше, может, и задержали бы тварюгу...»

Вдруг Фит заметил, что деревья действительно словно пытаются помешать чудищу, путаясь в ногах, размахивая ветвями... Однако оно было слишком велико, стволы сосенок казались тростником по сравнению с мощным торсом из многотонных каменных глыб. Деревья пускали в ход корни, обвивая чудовищные ноги, пытаясь вернуть вздумавшую погулять скалу в её ложе. Безуспешно.

Фит добрался, наконец, до обрыва и осторожно скользнул вниз, к воде. Чудовища отсюда было не видно, только тяжёлые шаги сотрясали округу.

«Успел! Вроде бы. Но если оно вздумает сейчас взорваться, обрыв от обломков не спасёт...»

Судя по стихающим вибрациям – пронесло. Он накинул рюкзак и продолжил путь к плотине. Постепенно обрыв стал ниже, опустившись к воде, и Фит пошёл по верхней его кромке. От дороги его отделяла небольшая, в десяток метров, полоса мелкого сосняка. От великанов она, конечно не спасла бы, но вселяла некоторое чувство защищённости. Бывшую пожарку, точнее место, где она когда-то – десятилетия назад – стояла, он миновал без проблем, дальше заметил ещё одну нарождающуюся каменюку в стене, но той, судя по всему, ещё не время было вылупляться.

Почти на автомате обогнув ещё один тягун, пролежав в сугробе минут пятнадцать из-за неведомой пугающей дряни, вроде мелкого марева, едва не угодив ногой в какую-то подлую дыру под снегом (в последнюю секунду интуиция сработала!), он незаметно добрёл до плотины.

ГЭС всегда потрясала его своей не укладывающейся в голове грандиозностью. Как люди руками могли воздвигнуть такую хреновину, которая даже рядом с могучим Мысом не выглядит игрушкой? У подножья это чувство усиливалось в разы. Фантастическая бетонная стена, взлетающая на стометровую высоту и образовавшая запруды в сотни километров длиной, не могла не внушать трепета и необъяснимого восторга!

Только сейчас восторг этот был мрачноватым. Память услужливо подкинула:

«Эверест, где мы с тобой

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.